

Олег Виноградов

24 h

В этот день никто не умер. Никто. На всей земле ни одного человека. Ни от рака или сердечного приступа, ни от голода или старости, никого не убили и не было ни одной аварии или катастрофы, где погибли бы люди.

Первыми на это явление обратили внимание ученые. Сначала в Японии, потом в Европе и Америке.

Но этот день был предсказан монахом Афонского монастыря.

День 21 декабря 2012 года, вопреки ожиданиям конца света, стал днем полного переполоха в научном и религиозном мире.

Япония. Токио. Токийский университет

0 часов 23 минуты 22 декабря 2012 года¹

¹ Здесь и далее указано местное время.

Масатоки Кокиба, физик, лауреат Нобелевской премии, сидел около монитора, вглядываясь через стекла очков в цифры на экране. Статистика показателей смертности в Японии была вполне достоверной, даже небольшая погрешность никак не могла объяснить то, что происходило за последние сутки.

— 127 миллионов человек, — вслух рассуждал ученый, — точнее, 127 миллионов 76 тысяч 183 человека, по данным прошлого года. Смертность в год: 9,26 на 1 тысячу — получаем 117 тысяч 602 человека в год, делим на 365 дней — получаем 332 и 62 сотых в день, а в високосный год — 331 и 31 сотая, а сегодня — ни одного.

Дверь приоткрылась, и в комнату бесшумно, как только умеют ходить японские женщины, вошла помощница, тихо подошла к столу, положила перед профессором бумаги и так же тихо удалилась. Масатоки посмотрел и от удивления приподнял очки. После 24 часов зафиксировали три смерти. Мужчина 76 лет. Житель Киото. Болел раком. Две женщины в Токио — 83 и 94 лет, причины смерти уточняют. Данные из других регионов Японии еще не поступили.

Профессор снова перевел взгляд на монитор и продолжил размышления вслух:

— Причины смерти не важны. Важен факт.

Люди в Японии не умирали ровно сутки — с нуля до 24 часов вчерашнего дня.

США. Вашингтон. Джорджтаунский университет

11 часов 35 минут 21 декабря 2012 года

Звонок застал профессора Джека Николсона, когда он, закутавшись от холодной погоды в пальто, шел по красивому университетскому дворику на кафедру. Он остановился, разглядывая широченный пень и аккуратно сложенные рядом поленья от дерева, поваленного недавним ураганом. Дерево считалось символом университета, говорили даже, что его посадили в год основания.

Профессор Николсон смотрел на пень с сожалением. Он вспоминал развесистую лиственную крону, под которой в жаркие летние дни, расположившись прямо на траве, отдыхали и занимались студенты. Николсон любил смотреть на эту картину из окна своего кабинета. Этот вид напоминал ему полные романтики и надежд студенческие годы. И еще он представлял дерево как природный храм науки, скрывающий от палящих солнечных лучей таинство постижения знаний.

Звонок. Скайп показал в айфоне лицо Масатоки Кокибы — его старого японского друга по Рочестерскому университету. Дело, которое Масатоки хотел изложить другу, наверняка было очень важным, потому что Николсон впервые видел такой взволнованный взгляд у обычно по-японски сдержанного и спокойного товарища. Именно для того, чтобы спокойно во всем разобраться, Николсон попросил у Масатоки разрешения перезвонить попозже, когда доберется до кафедры.

Греция. Македония. Полуостров Афон. Монастырь Святого Пантелеймона (Россикон)

18 часов 37 минут 7 декабря 2012 года
(по юлианскому календарю)

В дверь кельи игумена монастыря — архимандрита Иеремии (Аркадьева) постучались. Архимандрит отвлекся от молитвы, медленно повернулся к двери, приподнялся с колен и произнес:

— Войди, сын мой.

Дверь отворилась, и на пороге появился Иов — монах средних лет крупной и мощной статуры с голубыми глазами и седеющей по краям русой

бородой. Он поклонился игумену, встал на колени и поцеловал настоятелю руку. Затем, получив молчаливое согласие говорить, сказал тихо:

— Отец, сбывается...

Иеремия повернулся к окну и, глядя на синеву Эгейского моря, полностью осознал, что в свои 92 года, отдав почти всю жизнь служению Господу, он оказался на пороге чего-то Великого, что невозможно понять умом. Некоего события, которое станет поворотным моментом для всего человечества, для всей истории людского существования. Это день, который обозначен проведением Господним, его планом и идеей: от Адама и до сегодняшнего дня. За всю историю человечества таких дней было немного: когда Господь создал человека, когда выгнал его из Рая, когда спас Ноя и ковчег, когда заговорил с Авраамом и когда распяли Иисуса. Сегодня такой день. Сегодня никто не умрет.

Он из окна окинул взглядом весь монастырь. Зеленые купола с золотыми крестами величественно возвышались над светящимися на заходящем солнце белыми стенами монастырских строений. Некогда Россикон, один из самых почитаемых монастырей, насчитывал до двух тысяч монахов. Сегодня его братия состояла из 48 служителей. Глядя на свою обитель, архимандрит предался размышлениям и воспоминаниям.

Он стал игуменом Россикона в 1978 году. Тогда их было 212 братьев-монахов. Почти все — греки русского происхождения и выходцы из СССР. Он — сын священника, приехал служить на Афон в 1943 году. Сегодня большинство монахов монастыря моложе его. Один только брат Иона года на три старше, живет и молится Богу в Старом Нагорном ските. Монахи носят ему хлеб и воду раз в день. Монастырь почти пуст. За последние двадцать лет только в девяностых годах пришли новые братья в монастырь. В девяностых было тяжело. Вот и потянулись люди к Богу. Кто от безысходности, кто разочаровался в мирской жизни, а кто и грехи замаливать. А в новом тысячелетии — никого.

«Почему не идут люди к Господу? — думал Иеремия. — Нет Веры. Молятся Богу, а для себя просят богатства и власти. Приезжают и спрашивают не о душе, а о теле. Вот президент российский приезжал — ведь все у него есть, самый богатый, власть царская, а он не о душе своей просил. А о господстве.

Приезжают и просят святыни показать. Прикоснуться хотят. Сила в них. Силу все чувствуют. Шкурой чувствуют. Так ведь сила-то от чего? Вот они, мощи Святого Пантелеймона, стопа Андрея Первозванного, честная глава апостола Луки, мощи Иоанна Предтечи, апостолов: Петра,

Филиппа, Фомы, Варфоломея и Варнавы. Все в монастыре хранятся. А иконы? Чудотворная икона Божьей Матери — Иерусалимская, икона Святого Иоанна Предтечи, древняя икона Святого Великомученика и целителя Пантелеймона. Цены им нет. Сила от них такая идет, что болезни отступают.

Приезжают лечиться, а Богу служить не хотят.

А ведь святые отцы ни богатством, ни властью не обладали. В служении Богу и Человеку подвиг свершали. Вот и память о них тысячи лет. И тела нетленны, и мощи их силу имеют. Силу неисчерпаемую. А ныне веру для приличия держат. Забежали да покрестились. Модно стало по церквям хаживать. Истинной веры нет. Дух слабый. И не ведают они, что бранные, уйдут и память о них умрет в день смерти, и дети на могилу не придут.

Не идут люди служить Господу, а в монастырях монахов не хватает, чтоб за реликвиями следить. Истинно сказано: «И будет суд над вами по делам вашим».

На этой мысли игумен повернулся к монаху, послушно стоявшему в ожидании указаний.

Архимандрит приподнял голову, показывая, что готов слушать монаха далее.

— Отец Иеремия, в 18 часов 41 минуту в интернете появилось сообщение. В Японии с нуля до 24 часов 21 декабря 2012 года, по григорианскому календарю, не умер ни один

человек. Эту информацию сообщил профессор Токийского университета Масатоки Кокиба, физик, занимался высокоэнергетическим космическим излучением, распадом протонов, смог зарегистрировать космические нейтрино, нобелевский лауреат, премию получил за работу по обоснованию существования бозона Хиггса. Я его знаю лично, но какое отношение к этой проблеме он имеет — не ведаю.

— Как и предсказано, «дальние острова» — Япония, — задумчиво произнес настоятель, не обращая внимания на последние слова монаха.

— Да, — утвердительно качнул головой Иов, — Япония.

— Наблюдай далее, сын мой, и готовь доклад на совет монастырей, — произнес игумен и, перекрестив голову Иова, позволил ему удалиться.

Монах Иов (Ткаченко) попал в Афонский монастырь Святого Пантелеймона в середине 90-х годов, уехав навсегда из Киева. В монастыре его никто и ни о чем не спрашивал. После того как Иов принял постриг, он надолго засел в монастырской библиотеке, которая насчитывала более 20 тысяч старинных книг и рукописей. Так прошло несколько лет. Все время, которое оставалось после молитв и трапезы, монах проводил в библиотеке, иногда оставляя себе для сна только пару часов в сутки, а иногда и вовсе забывая про сон.

И вот однажды он попросил игумена об исповеди, на которой признался отцу Иеремии, что он — известный математик, что стал профессором в 28 лет и работал в киевском академическом институте. Его работа касалась математической разработки правдоподобных рассуждений. Но, когда институт, без его ведома, продал эту работу в Америку за копейки, он разуверился в справедливости и решил никогда больше математикой не заниматься, посвятив свою жизнь служению Богу. Далее Иов показал отцу Иеремии выводы и расчеты, которые касались Библии и других святых книг, пророчеств и предсказанного племенем Мая конца света 21 декабря 2012 года. После чего отец Иеремия срочно запросил собрать совет двадцати монастырей Афона.

Украина. Киев. Святая Успенская Киево-Печерская Лавра

18 часов 47 минут 21 декабря 2012 года

Отец Феодосий (Дмитренко) сев за компьютер в пять часов утра, больше не вставал. Он ждал. Ждал того, что может произойти сегодня. Если все будет так, как предсказал Иов, мир изменится. Сегодня сбудется промысел Господа нашего.

Отец Феодосий встал перед иконой Иисуса Христа и начал читать 50-й псалом: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя. Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих, яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти. Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя. Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси...»

Внезапно раздался тихий, но четкий сигнал полученного по электронной почте сообщения. Сообщение, которое он ждал весь день. Ждал и боялся. Боялся и подтверждения, и опровержения — любое, что могло прийти сегодня на его адрес, вызывало у него необъяснимый страх перед неизведанным, непонятным, непознанным.

Монах прервал чтение Псалма, трижды перекрестился и подошел к ноутбуку. Сообщение было от того, от кого он его и ждал. Писал брат Иов.

Отец Феодосий знал Иова давно. Очень давно. Они вместе учились в школе. Только тогда они были — два мальчика-подростка, один из которых, Саша, идеально знал математику, а второй, Константин, любил литературу и был склонен, как

говорили, к гуманитарным наукам. Средняя школа № 90 находилась недалеко от Лавры. Костик жил фактически на территории монастыря и сразу после окончания школы решил поступать в Киевскую духовную семинарию. Саша без экзаменов поступил в университет на физико-математический факультет.

Подружились они еще в школе, во-первых, потому что помогали друг другу: Саша Косте — по математике, а Костя Саше — по языкам, и, во-вторых, потому что были влюблены в одну и ту же девочку — одноклассницу Свету. Она выбрала математика. Но Костя не обижался и поддерживал дружбу. Вскоре Костик стал отцом Феодосием, Саша защитился сразу после университета, а за три года осилил и докторскую диссертацию. Начал ездить за границу на семинары и симпозиумы. Света, как раз в год защиты докторской, родила ему дочь Лену, и отец Феодосий ее крестил. Дочь подрастала. И все было бы хорошо. Если бы однажды Саша не пришел к отцу Феодосию и не попросил рассказать ему о служении в церкви. Именно тогда друг рассказал Александру о великом центре Православной церкви — греческом Афоне.

Все случилось очень быстро. Саша исчез в одно мгновение. Ни жена, ни дочь не знали, где он. Какие только версии не выдвигала Света. Измена, убийство, кража... Несколько месяцев его искала

милиция. Но потом все как-то само собой улеглось. Света продолжала жить, смирившись с отсутствием мужа. Говорили даже, что видели ее с другими мужчинами. И только отец Феодосий подозревал, куда исчез его друг. Но никому этого не говорил, да у него никто и не спрашивал. И вот недавно, года два назад, Саша обнаружил себя в социальных сетях и ошаршил отца Феодосия своим предсказанием.

Через несколько дней Феодосия вызвал настоятель и дал ознакомиться с тайным посланием из Москвы. Бумага была подписана лично вновь избранным Патриархом Русской православной церкви. Содержимое документа точь-в-точь совпадало с Сашиной информацией. Тогда же, два года назад, сам митрополит лично благословил его на паломничество в Грецию и дал поручение внимательно изучить все документы, целиком возложив на него ответственность за сопровождение и изучение вопроса в Киевской Лавре.

США. Вашингтон. Джорджтаунский университет

12 часов 00 минут 21 декабря 2012 года

Профессор Николсон любил все основательное, и поэтому, прежде чем перезвонить Масатоки Кокибе, он налил себе большую чашку кофе, пододвинул к столику удобное кресло и только после того, как сделал первый глоток, включил компьютер.

Через секунду на экране появилось беспокойное лицо японца.

— Хэллоу, мистер Николсон!

— Хэллоу, Масатоки! Что случилось? Вы снова номинированы на Нобеля? — попытался пошутить американец.

— Нет, тут такое дело. Я знаю, что вы, мистер Николсон, в свое время занимались математическим моделированием случайностей и вероятности. Скажите, какова вероятность того, что в Японии при количестве населения более 127 миллионов жителей никто не умрет в течение одних суток?

— Ну, коллега, если мы представим, что среднестатистический возраст жителей 40 лет, а продолжительность жизни японца 90 лет, при этом японская медицина на сто процентов справляется с раковыми и сердечнососудистыми заболеваниями, и ни один автомобиль, поезд или самолет не попадет в аварию, и Якудза перестала существовать, и...

— Нет. Конечно, всего этого нет. Вы

прекрасно меня понимаете, — перебил Николсона профессор из Токио.

— При любых иных условиях отсутствие в течение суток летальности в стране с населением в 127 миллионов человек практически равна нулю или равна нулю, — пробасил в веб-камеру американец и отхлебнул кофе.

— Тогда позвольте сообщить вам, что в Японии на протяжении всего дня 21 декабря 2012 года с нуля и до 24 часов не было зафиксировано ни одной (слышите, ни одной!) смерти японца, или туриста, или приезжего. Я разместил информацию на моей страничке университетского сайта. Можете глянуть.

— Не может быть, — меня настроение разговора и отставляя чашку с недопитым кофе, пробормотал Николсон. — Откуда вы это знаете?

— Мой аспирант заведует государственным отделением статистики и информации. Он мне еще в обед позвонил. Мы с ним до самого конца 21 декабря просидели на связи. В Японии нет ни одного умершего за этот день.

— Позвольте, сейчас всего 12 с хвостиком.

— В Японии — час ночи 22 декабря 2012 года, у нас 11 часов разница, — медленно, как студенту, объяснил Масатоки Кокиба.

— Ах да, простите... — извинился в ответ Николсон.

— В нашей стране статистическая служба работает четко. Если врач констатирует смерть, то через одну секунду это фиксирует государственная статистика. Но ни одной смерти не было — ни в Токио, ни в каком-либо другом месте Японии.

— Это только в Японии?

— Не знаю, я еще вечером звонил в Китай своему знакомому — профессору Ли Вин Таню. Он обещал проверить данные. Но у них система учета сложная, много провинций, до сих пор данных нет.

— Хорошо Масатоки, я сейчас позвоню в американское бюро, потом свяжусь со Швецией и Германией. Оставайтесь на связи, — с этими словами Николсон отключил скайп.

Греция. Македония. Полуостров Афон. Монастырь Святого Пантелеймона (Россикон)

19 часов 55 минут 7 декабря 2012 года
(по юлианскому календарю)

Архимандрит Иеремия открыл Библию и стал читать: «Книга первая. Бытие. Глава 12. «И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе, и Я произведу от тебя великий народ, и

благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

Иеремия стоял, всматриваясь в пожелтевшие страницы старой книги, и, набрав воздух, громко воскликнул:

— Все племена земные!

Ему стало легко. Раздумывая над тем, что еще надо сделать для проведения внеочередного священного киноа, он обвел взглядом собравшихся монахов.

— Где Иона?

— Идет, отец. Иона стар. И путь от Старого Нагорного скита к монастырю неблизок. Поди, лет пять не выходил. Может, вообще ходить разучился, — ответил монах с лицом старца, но светлым и бодрым взглядом. — Чтоб не помер по дороге...

— Сегодня никто не умрет. В монастыри послали?

— Да.

— Все приготовили?

— Все готово, отец.

— Хорошо, тогда молитесь, братья, молитесь.

Географический центр Европы.

Украина

20 часов 05 минут 21 декабря 2012 года

Распластанная ночная тень покрыла Европу. Подчиняясь движению Земли и Солнца, в этот день — 21 декабря 2012 года — была самая длинная ночь. Зимнее солнцестояние произошло в 11 часов 12 минут. После чего Солнце на секунду замерло, развернулось и двинулось в обратную сторону на прибыль дня, навстречу лету. Каждый год Солнце двигалось по этому пути, создавая дни и ночи, лето и зиму, то обогревая, то охлаждая Землю, давая импульс для жизни. Все живое, следуя ритму, установленному движением светила, подчинялось солнцевороту: то пробуждаясь, то замирая, рождалось, развивалось и умирало. Этот ритм, казалось, никто и ничто не могло изменить. Но постоянство было только кажущимся, потому как никогда Солнце не повторяло свой путь в точности. Каждый день, каждый год что-то происходило иначе. В мире нет ничего, что повторялось бы в точности. Все, что происходит, — меняется. Миром правит изменчивость.

В этот день Солнце двинулось не только навстречу летнему солнцестоянию, оно развернулось навстречу новой эре. Наступал

золотой век, второй век Сатурна, с него начиналась новая эпоха, которая будет длиться более двух тысяч лет. Эпоха Шестого солнца эры Водолея.

Посреди великолепных закарпатских гор, в нескольких километрах от двухметрового каменного столба, на котором в 1887 году была сделана надпись на латыни, указывающая, что именно это место является географическим центром Европы, в уютном деревянном доме на смертном одре лежал один из старейших людей планеты.

Он пожил немало — сто пятнадцать лет и умирал при здоровом уме и цепкой памяти, которой обладал всю свою жизнь, помня все, что происходило с ним за долгие годы. Помнил Первую Мировую, когда юным и сильным солдатом служил в артиллерийском полку, и времена, когда работал на карьере у венгра, помнил и коллективизацию. Помнил страшную войну, которая забрала всю его семью.

Он жил долго и пережил многих. Сначала ушли ровесники, потом те, кто завидовал его крепкому здоровью, состарились уже и те, кто почитал его возраст.

Он любил работу. После войны отстроил дом. Чуть свет поднимался и ухаживал за скотиной, потом уходил в поле. Так каждый день. Даже этим летом, уже чувствуя немощность, все же накопил

сена для коровы. Почему он жил долго, он не знал.

И вот сейчас, лежа в кровати, чувствовал, что непременно умрет. Он хотел умереть сегодня, но не умирал.

Он устал жить. За последний год почувствовал какую-то пресыщенность от суматохи всей своей жизни. Осенью, когда появилась боль, мысли о смерти стали приходить все чаще и чаще. К врачам он не ходил, не привык. Заваривал травы и пил, но последнее время ему становилось хуже. Настойка мака уже не помогала. Боль была такой сильной, что даже в молитвах он стал просить смерти, но она не приходила.

Сегодня он почувствовал, что умрет. День закончился, наступила ночь, — он ждал.

Швеция. Уппсала

19 часов 10 минут 21 декабря 2012 года

Альва Йохинсон прогуливалась возле Кафедрального собора в ожидании традиционно проводимого по пятницам концерта органной музыки. Она специально пришла заранее, чтобы дольше побыть на улице. Ее самое любимое время — зимний вечер в Уппсале. Легкий морозец очищал воздух, делая его насыщенным, кристально

чистым и вкусным, когда каждый вдох доставляет удовольствие, и Альва, остановившись, несколько раз с наслаждением глубоко вдохнула.

На улице стемнело, и уже включили освещение. Аккуратно расчищенные от снега дорожки были посыпаны мелким гравием, а тени высоких снежных холмов, расползались от низких фонарей по бокам, придавали скверу таинственный вид.

Люди потихоньку собирались. Альва подошла к небольшой афише у входа, уточнила время начала концерта, глянула на часы. Оставалось 20 минут, и она, решив побыть немного наедине с Богом, купила билет и прошла внутрь собора. Опустила несколько крон в копилку, взяла свечку и тут же почувствовала вибрацию «Nokia» в сумочке. Поспешно, дабы не заметили, что она забыла отключить телефон, Альва вышла на улицу.

— Хэллоу, Альва! — раздался в трубке знакомый голос. Она глянула на экран телефона. На нее смотрела фотография улыбающегося Николсона. Ее старый американский друг. И даже больше, чем друг. Альва была в него влюблена. И если бы он позвал ее, она, ни секунды не раздумывая, бросила бы все и переехала к нему. Но это было невозможно.

Они познакомились лет десять тому назад на проекте ООН по изучению народонаселения.

Веселый американец сразу привлек внимание шведки. Ей даже показалось, что он флиртует с ней, но оказалось, что его внимание было продиктовано простой учтивостью, и правда заключалась в том, что Джек Николсон был нетрадиционной сексуальной ориентации. Несмотря на это, его трудолюбие и научная хватка вызывали у нее восхищение, которое смешивалось с непонятым чувством сродни женского взаимопонимания, и все это перерастало в платоническую любовь.

— Хэллоу, Джек, что случилось? — приветствуя друга по имени, радостно и настороженно спросила она.

— Альва, ты в университете?

— Нет, сегодня пятница. Уже начало восьмого. Я дома. Вернее, пошла на концерт.

— Альва, возвращайся в университет, когда будешь возле скайпа, перезвонишь мне.

— А что случилось? — повторила она вопрос.

— Сегодня происходит что-то, чего я не могу понять. Во всяком случае, сегодня никто не умирает. Понимаешь, никто. Ни один человек в мире. В Японии за сутки 21 декабря никто не умер. Представляешь, ровно с нуля до 24 часов 21 декабря не умер никто?! Масатоки Кокиба, ты его помнишь, выложил эту информацию на сайте Токийского университета и перезвонил мне. Его данным можно верить. Он сейчас проверяет Китай.

Я кое-что узнал по Америке. Похоже, такая же ситуация и у нас. Но в Америке плохо налажен сбор информации, в каждом штате по-разному. Надеюсь, в Швеции все работает четко. Нужно отследить до конца суток и в течение завтрашнего дня по всем странам. Я буду связываться с Вальтером из Берлина, а ты попробуй отследить по скандинавским странам.

— Как — никто не умер? — переспросила Альва, уловив самое главное.

— Как? Как? Так. Подожди, мы еще не уверены. Если это просто тенденция, тогда можно предположить внешнее влияние каких ни будь испарений, извержений, электромагнитных излучений, вспышек на Солнце и еще Бог знает что. Если факт — тогда я не знаю. У нас день только на половине, у вас подходит к концу. Если к концу временных суток, до 24 часов, в Швеции никто не умрет, то это факт. И тогда мы никак не сможем объяснить это физическим влиянием. Если ситуация повторится во всех странах, то это неопровержимый факт.

— А если не повторится?

— Я молюсь, чтобы не повторилась. Если есть простая тенденция уменьшения смертности только в Японии и она случайно связана со временем суток, тогда мы будем искать то явление, которое останавливает смерть. Если мы его найдем, мы

сможем его изучить, а может, и попытаемся воспроизвести.

— Тогда мы сможем... — подхватила Альва.

— Да, тогда мы сможем влиять на продолжительность жизни человека и его смерть или произведем универсальное лекарство — панацею.

— Подожди, я уже возле кабинета, — с этими словами Альва вставила ключ в замок и открыла дверь.

Она даже не заметила, как прошла от собора к зданию университета и, кивнув дежурному, быстро поднялась на третий этаж. Пока грузился компьютер, Альва пыталась разобраться в ситуации. Привыкшие к научной работе мысли работали с быстротой молнии, то сосредотачиваясь на общем, то разбегаясь по отдельным уголкам разных вопросов поставленной задачи.

На экране монитора засветилась комната Джорджтаунского университета.

— Сейчас подойду, — раздался голос Николсона.

Украина. Киев. Святая Успенская Киево-Печерская Лавра

20 часов 51 минута 21 декабря 2012 года

Отец Феодосий монотонно продолжал набирать телефонные номера, аккуратно выписанные на листе. Информация была скудной. Но кое-что все-таки было. Ни Министерство здравоохранения, ни государственный департамент не имел никаких данных по количеству умерших за сегодняшний день. Благодаря пятнице чиновники уже прекратили свою государственную работу, а дежурные не имели никакого представления по вопросу, который интересовал монаха.

Поэтому отец Феодосий набирал телефоны милиции, больниц и моргов города с одним и тем же вопросом.

— Алло, это морг? Скажите, сегодня умирали люди? — дозвонившись в центральный морг, спросил отец Феодосий.

— Конечно, люди умирали, умирают и будут умирать, — прозвучал неуместно ироничный ответ женским мраморным голосом.

— И сегодня? — переспросил священник.

— Сейчас посмотрю в журнале, — ответили на том конце провода.

— И сегодня, — получил он утвердительный ответ через минуту.

— Сколько человек?

Отец Феодосий нервно сжал трубку телефона. Умирали. Значит, предсказание Иова неверно.

Значит, умирают люди. Значит, то, чего ждали, не произойдет. Это ставит под сомнение все: и точный календарь Майя, и священные книги, и истинность Священного Писания, и даже... — он испугался своих мыслей, отвлекся и стал ждать ответа по телефону.

— Сегодня, 21 декабря, доставлен труп женщины, 62 лет, предварительный диагноз: ИБС, острая сердечная недостаточность. Фамилия: Коваль, имя: Надежда, адрес: проспект...

— Когда? Когда доставлена? — с нетерпением перебил отец Феодосий.

— Сегодня в 6.15 утра.

— Господи помоги, — прошептал он и тут же добавил: — Когда упокоилась?

— Упокоилась? — с удивлением переспросил мраморный голос.

— Когда наступила смерть? — уточнил свой вопрос священник, снова перейдя на мирской язык.

— А, время смерти — не установлено. Сейчас. Вот. Проживала сама. Милицию вызвала скорая, которая констатировала смерть 20 декабря в 18.30 по вызову соседки. К нам доставлена «Зондеркомандой», извините, специальной службой УВД в 6 часов 15 минут 21 декабря 2012 года.

— Других умерших сегодня не было? — успокаиваясь, спросил отец Феодосий.

— Сегодня нет, ну ничего, еще навезут, — с

могильной иронией, ответила работница морга.

— Спасибо, — и отец Феодосий с презрением положил трубку, затем достал, поцеловал и заправил назад нательный крест.

Успокаиваясь, он надел наушники и включил музыку. Это был редкий концерт «Доктор Вино». Приятный голос, хорошая музыка и философские тексты нравились ему.

Слушая музыку, он вспомнил тот день, когда Святую Успенскую Киево-Печерскую Лавру посетил Патриарх Святого Града Иерусалима. Это было в апреле этого года.

Все думали, что он приехал в связи с болезнью Митрополита и потому, что в церкви наметился раскол. Но эта причина была лишь прикрытием. Патриарх прибыл по просьбе афонских монастырей для обсуждения вопроса касающегося 21 декабря.

Тогда они беседовали втроем: Патриарх, Митрополит и он, отец Феодосий.

Россия. Москва. Храм Христа Спасителя

22 часа 01 минута 21 декабря 2012 года

Патриарх ждал хоть какой-то информации за

сегодняшний день. Будучи человеком уравновешенным, спокойным и рассудительным, он все же не мог сдержать в себе нетерпение. Как долго длятся эти сутки! По его заданию во всех городах России священнослужители собирали необходимые данные. Только к шести вечера были получены первые сводки. Пока все подтверждалось — умерших в России нет. По Тульской области перепроверяют — там были две смерти в больницах, якобы в час ночи. Но, думается, умерших поздно обнаружили.

«В больницах, — подумал он, — такой бардак (прости Господи). Еще в Ярославле, в тюрьме. Там труп. Могли забить насмерть и в карцер бросить, а обнаружить к утру или вообще на третий день. Пусть перепроверят».

В дверь постучали.

— Войди, сын мой.

— Ваше Святейшество! К вам просится кардинал Козар.

«Козар? Почему Козар? — подумал Патриарх. — Бывший глава экзархата греко-католической церкви. Ушел в отставку. Умнейший человек. Он был самым симпатичным для Патриарха священнослужителем католической церкви. Еще со времен Папы Иоанна — Павла II у них сложились приятные отношения. 1981 год. Покушение на Папу. Тогда Козар и приехал в

Москву по поручению Ватикана. А я, — вспоминал Патриарх, — я служил епископом в отделе внешних сношений».

«Почему же все-таки Козар? — задал себе немой вопрос Патриарх. — Потому что пользуется моим особым расположением? Потому что я ему не откажу? Потому что он может почувствовать не только ложь, но и полуправду? Потому что он близок к православию? Умен Папа, если выбрал этого кардинала для нашего разговора. А разговор должен состояться. Только потом, не сейчас — завтра, послезавтра, когда угодно, но не сегодня».

— Зови кардинала, — вопреки своему внутреннему решению распорядился Патриарх, обращаясь к служителю и поднимаясь с места для встречи.

По-старчески медленно в зал вошел кардинал Козар, окинул все взглядом и, сконцентрировавшись на подходившем к нему Патриархе, перекрестился и произнес:

— Слава Богу, добрался. Здравствуйте, Ваше Святейшество. Благодарю, что приняли и уделите дражайшее ваше время скромному служителю Церкви Бога нашего.

— Здравствуйте, Ваше Преосвященство, что привело вас к нам?

— Да вы и сами, Ваше Святейшество, знаете. Я прямо с самолета, и ваше время на вес золота,

поэтому позвольте сразу перейти к делу. Мы, то есть Ватикан, давно знаем о предсказании Афонского монаха Иова.

— ?.. — Патриарх приподнял брови, показывая, что не понимает, о чем идет речь.

— Перестаньте, это касается и вас, и нас, и мусульман, и иудеев. Особенно иудеев. К сожалению, Ватикан в свое время не придал значения такой важной информации, посчитав, по-видимому, что это очередная фантазия. Однако сегодня из иезуитского католического Джорджтаунского университета поступило сообщение о том, что предсказание монаха сбывается. Сегодня никто не умирает. Конечно, пока трудно делать окончательные выводы, но поступающие сведения практически подтверждают гипотезу, сделанную Православной церковью. Я хочу от имени Католической церкви, Ватикана и лично от имени Папы выразить восхищение и афонскими монахами, и всей Церковью православного толка, и лично вам за прозорливость в этом вопросе и те труды, которые были сделаны вами для понимания промысла Божьего и будущего человечества. И поблагодарить вас за...

— Сколько лестных слов... Наверное, сто лет православный священнослужитель не слышал от католика столько, — перебил кардинала Патриарх и строгим голосом спросил: — И чего же вы хотите?

— У нас нет времени, чтобы начинать изучение явления и делать выводы. Мы хотим, чтобы вы поделились информацией. Мы знаем, что вы обладаете определенными расчетами, которые поясняют суть этого явления. Мы знаем, что вы предсказали события 21 декабря сего года, а происходящее необычно и должно иметь пояснение. Уже завтра мы не сможем объяснить пастве причины, по которым сегодня никто не умер, и мы боимся, что потеряем верующих.

— А мы приобретем, — усмехнулся Патриарх. — Вам не кажется, кардинал, что страх потерять паству сделал церковь не храмом Господним, а кампанией по привлечению клиентов. Не о вере мы говорим, а о приходах. На жаргоне «приход» означает прибыль. Сколько к кому придет верующих и сколько они принесут, сколько свечей купят, сколько пожертвуют, сколько молитв закажут.

— «Ваши» не лучше «наших», — опустил седую голову, сказал Козар.

— «Наши», может, и хуже, это и расколело церковь. А ведь мы все, — продолжал Патриарх, — христиане и в Иисуса веруем. «Паства» — слово, которое произошло от напутствия Иисуса Христа апостолам своим — пасти овец, давать веру, а не брать. Вот вы в тупике и оказались. Не будет чего давать — и брать не сможете.

— Согласен, Ваше Святейшество, Святое Евангелие и историю мы знаем, и вы знаете, при каких обстоятельствах мы откололись. Но сегодня день поворота истории. За эту информацию мы готовы заплатить.

— И сколько вы предлагаете?

— Ватикан, как вы знаете, переживает не лучшие годы. Много тратим на борьбу со СПИДом, с абортами. Но у нас есть весомые покровители. Готовы предложить лично вам три миллиарда евро и еще один миллиард для развития православных церквей в России, Греции и в других странах — на ваше усмотрение.

— Хорошие деньги, Греция точно из кризиса бы вышла. Но нет, — Патриарх выдержал паузу и добавил: — Не могу вам помочь.

— Ваше Святейшество! Патриарх! Вы же понимаете, что ваш отказ серьезно осложнит отношения Москвы и Ватикана.

— Понимаю. Этот вопрос я сам не решаю, только Собор может принять решение о передаче вам всей нужной информации. В том числе и за деньги.

— Собор? — с этим вопросом у кардинала вытянулось лицо и выпучились глаза. — Полный Собор православных церквей?

— Да, Ваше Преосвященство, Собор всех православных церквей, — на этих словах Патриарх

ударил рукой по колену, показывая Козару, что разговор достиг своей точки, и эта точка поставлена.

Козар понял, перекрестился и без обычного ритуала прощания священнослужителей повернулся к выходу.

— Кардинал, — окликнул его Патриарх, — только из личного уважения к вам и в честь нашей дружбы, которую я не хотел бы сегодня закончить: ключ к разгадке сегодняшнего дня кроется в Библии, Книга Бытия, глава 12.

«И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе...», — судорожно вспоминал кардинал текст 12 главы Книги Бытия, спускаясь по лестнице Храма Христа Спасителя.

Украина. Киев. Улица Лейпцигская, дом № 2/37

21 час 15 минут 21 декабря 2012 года

Светлана Анатольевна давала дома уроки по биологии. Учеников было немного, но и это служило подспорьем к скромной зарплате преподавателя столичного вуза. Она работала ассистентом на кафедре биологии Национального

медицинского университета. Вела несколько групп студентов-первокурсников, помогала редактировать научные статьи и занималась профсоюзной деятельностью. Больших высот в науке не достигла, но ее любили и уважали на кафедре за трудолюбие и открытость характера.

Больше всего она волновалась за дочь. Лена, студентка 5 курса педиатрического факультета, явно выходила из-под ее контроля. Два года она работала медсестрой в Александровской больнице и несколько ночей в месяц проводила на дежурствах в операционной. И вот теперь она уходила из дому под предлогом, что на работу, но в больнице не появлялась. Светлана знала, что она не работает, она чувствовала, что дочь ее обманывает. И вчера, несмотря на запрет дочки звонить в отделение, все же позвонила и выяснила, что Лена давно оттуда уволилась. В душе разгоралась тревога, и она ждала. Ждала дочь для серьезного разговора.

В комнате сидел рослый десятиклассник Володя, который готовился ко вступлению в медуниверситет и учился решать задачи по генетике.

Громко, оформленным баском, Володя читал вслух:

— Задача 6-14. При скрещивании гетерозиготной

мухи с красными глазами и нормальными крыльями и мухи с пурпурными глазами и короткими крыльями получили:

1109 красноглазых мух с длинными крыльями,

1140 красноглазых мух с короткими крыльями,

1122 пурпурноглазых мух с длинными крыльями и

1160 пурпурноглазых мух с короткими крыльями.

Вопрос: Сцеплено или независимо наследуются гены формы крыльев и цвета глаз у дрозофилы? Какие гены являются доминантными, а какие — рецессивными?

Ученик посидел, подумал и, обернувшись к стоящей позади Светлане Анатольевне, спросил:

— Что такое сцепленные гены? — и тут же добавил: — Я помню, но я забыл.

— Гены, расположенные в одной и той же хромосомной паре, называются сцепленными. Сцепленные гены не подчиняются второму закону Менделя; они не дают свободной рекомбинации друг с другом, — терпеливо пояснила Светлана Анатольевна.

— А какие гены рецессивные и какие — доминантные? — спросил, было, Володя и тут же спохватился: — Ах да, помню, помню — доминантные — главные.

— Не главные, — поправила педагог, — а...

— А доминирующие гены, то есть подавляющие, — продолжил ученик.

— А рецессивные? — настойчиво спросила Светлана Анатолиевна.

— Рecessивные гены — это подавляемые...

Вдруг во второй комнате раздался звонок городского телефона.

— Хорошо, повтори законы Грегора Менделя и переходи к решению задачи, — распорядилась Светлана Анатольевна, с тревогой направляясь к телефону.

Подойдя к аппарату, она вдруг почувствовала резкий прилив жара, руки задрожали, а ладони покрылись влагой.

— Что-то с Леной, — как током ударило в голову. — Что-то с Леной, — повторила мысль вслух и, подавляя страх перед телефоном, обтерла ладонь и взяла трубку.

— Алло, Света?

Голос, который назвал ее имя, она узнала сразу. Ноги подкосились, и она почти без чувств, ничего не отвечая, опустилась в кресло. Частое биение сердца ощутилось во всем теле.

Этот голос она не могла перепутать ни с каким другим. Этот бархатный размеренный баритон с твердым и четким окончанием каждого слова. Голос, который сопровождал всю ее короткую счастливую жизнь. Он был рядом, когда она выходила замуж. Этот голос встречал ее дома и говорил о любви. Этот голос звучал в постели и пел

колыбельную ее дочке. Но однажды он исчез из ее жизни. И сейчас этот голос звучал в трубке.

Волной накатились воспоминания, и за одну секунду она вспомнила все. Вспомнила, как еще в школе влюбилась до беспамятства в Сашку, как он взял ее руку и первый раз поцеловал, вспомнила, как он пришел к родителям просить ее руку и сердце, как проник с цветами в роддом в тот вечер, когда она родила Лену.

Светлана сидела в кресле и мысленно, за одно мгновение перелистала каждый день той жизни, в которой был он, где было все: дом, семья, муж, друзья, достаток. А потом все прервалось. Он не пришел. Все говорили, что он умер. Она никогда в это не верила. Она не чувствовала его смерти. Но объяснить его исчезновение не могла. Не могла поверить, что он ушел к другой, что бросил ее ради карьеры или денег. Талантливый математик. Он оставил работу и исчез. Но умереть он не мог. И вот он звонит.

— Света, Света... — звучало ее имя в трубке. — Света, Света... — звал он.

— Алло. Да, я слушаю, — как можно сдержанней ответила она, понимая, что, несмотря на радость, имеет право на обиду.

— Света, слава Богу. Это я, Саша.

— Я узнала.

— Мы давно не виделись.

— Ровно семнадцать лет и три месяца.

— Семнадцать лет? — переспросили в трубке.

— Ты исчез двадцать первого сентября 1995 года, посчитать несложно.

— У женщин хорошая память на даты.

— Не только на даты. Я еще помню, что ты мой муж и у тебя есть дочь.

— Как Лена?

— Хорошо.

— Большая?

— Выросла. Большая. Двадцать два года. Учится в медуниверситете. Будет врачом.

— Тебе было трудно? — задал он ненужный вопрос.

Что она могла ответить? Рассказывать о том, как она, оставшись одна с дочкой, ездила в Польшу, а потом ходила торговать на базар, как не хватало зарплаты, как перешивала на растущую дочь свои платья... А, может, рассказать, как, пытаясь забыть его, Сашку, поддавалась на каждый мужской взгляд и ложилась в постель с любимым, кто манил ее пальцем, а потом, возненавидев всех, глушила себя в работе и заботе о дочке, так и не переставая любить его одного...

— Справляюсь, — ответила она с тем же безразличием, которое прозвучало в вопросе.

— Как ты?

— Как я? — переспросила она и тут же,

поняв, что разговор без ответа на этот стандартный вопрос не получится, продолжила: — Я работаю там же, в мединституте, теперь это Национальный медицинский университет имени Богомольца, преподаю студентам биологию. Замуж, понятное дело, не выходила. Мужчины рядом нет. Лена — твоя дочь — совсем уже взрослая. Если тебе это интересно...

— Генетикой занимаешься? — почему-то спросил он.

— В смысле как раньше — нет. Просто преподаю, — и вдруг женщину захлестнула злость: ну причем тут генетика, семнадцать лет его не было, неужели нет ничего, кроме генетики, о чем сегодня нужно говорить... И уже со злостью в голосе она сказала:

— Теперь ты расскажи, где был, что делал. Объясни: почему ты исчез? Почему ты бросил нас с Леной? Где ты?

— Света, я не в Киеве и даже не в Украине, я в Греции.

— В Греции? — с удивлением воскликнула Света. — Что ты там делаешь?

— Служу, — спокойно ответил он, — монахом в Афонском монастыре.

— Ты — монахом? — почти шепотом простионала она в трубку, в одно мгновение уяснив причину Сашиного исчезновения и поняв все, или

почти все.

— Да, я служу Господу нашему — уже семнадцать лет.

— Почему тогда, если ты решил служить Господу, ты не сказал мне об этом? Ведь я тебя похоронила. Лена уверена, что ты нас бросил. Почему ты меня предал?

— Я должен был так поступить. Если бы я сказал тебе, ты бы меня отговорила. А я должен был, — спокойно и настойчиво ответил он.

— Должен? Кому должен? Ведь ты — доктор наук! — в недоумении воскликнула Света.

— Это была моя судьба. Я только сегодня понял смысл моей жизни, — спокойно пояснил он.

— Ты — лучший математик Украины, неужели больше некому служить Господу, и почему в Греции, мог бы служить в Киеве, знаешь, сколько у нас церквей... Много новых церквей в Киеве.

— Я люблю Киев, цветущие каштаны до сих пор сняты. И тебя люблю очень, и Лену, — вдруг его размеренный баритон дрогнул, в течение небольшой паузы он пытался справиться с волнением и немного погодя продолжил: — Моя математика определила мою судьбу и еще... твоя генетика, пока больше говорить не могу.

— Генетика? — повторила она автоматически, еще не понимая смысла того, что сказал Александр

и уже теряясь, только успела спросить, — Мы увидимся, когда-нибудь?

Но он положил трубку, а она стояла в недоумении, пытаясь собрать разлетающиеся во все стороны мысли, но ничего не получалось.

— Светлана Анатольевна, я задачу решил. Посмотрите? — прокричал нетерпеливый ученик, едва заслышав, что телефонный разговор закончился.

— Да, сейчас посмотрю, — ответила Светлана, укладывая трубку на место.

Ватикан. Собор Святого Петра

20 часов 55 минут 21 декабря 2012 года

Секретарь по внешним отношениям Ватикана, архиепископ Доменик Маберти беседовал с кардиналом архиепархии Марселя Жоржем Понтье, положив ладони на старинный золоченый столик, выполненный, как и вся мебель в зале, в стиле ренессанс. На столе лежала Библия, открытая на 12 главе Книги Бытия.

Архиепископ только что вернулся после разговора с Папой. Разговор, как всегда, был коротким, поэтому кардинал ждал его недолго и, несмотря на то что эти страницы Библии были

перечитаны не раз, они в который раз просматривали 12 главу, пытаясь понять связь библейского текста с тем, что сегодня происходило.

— Козар не мог чего-нибудь перепутать? — спросил, отрываясь от текста, кардинал. — Ведь стар уже.

— Стар? — усмехнулся Маберти. — Нам бы его светлый ум. Здоровьем слаб, потому и в отставку пошел, а разум — позавидовать можно, память уникальная, все помнит, каждую мелочь, Библию на память знает.

— У нас тоже есть люди, которые знают Библию на память.

— Знать на память Библию мало, — глядя в глаза французу, произнес архиепископ, — надо думать над тем, что там написано.

— Хорошо. Что дословно сказал Козар? — спросил кардинал.

— Дословно Патриарх Московский и Всея Руси сказал: «Ключ к разгадке сегодняшнего дня кроется в Библии, Книга Бытия, глава 12», — я думаю, он не упустил ни одного слова. И еще, Московский Патриарх заявил, что для того чтобы передать нам информацию, необходимо решение Православного Собора. Вы можете представить, сколько для этого понадобится времени? Поэтому мы должны до завтрашнего дня понять хотя бы основное, чтобы Папа мог в общих чертах пояснить

представителям церковей на совете.

— Тогда объясните: почему мы, зная о том, что в афонских монастырях ведутся какие-то исследования, зная про Иова, не приложили хоть немного усилий для изучения этого вопроса раньше? — спросил кардинал.

— Во-первых, мы не поверили, во-вторых, мы пожалели деньги на изучение — сами знаете, в каком положении сегодня находится церковь, Ватикан очень сильно пострадал от кризиса, и, в-третьих, вы же знаете Папу — все, что связано с Православной церковью, его, мягко говоря, не интересует.

— Напрасно, — задумчиво заметил кардинал, — православные церкви имеют большой потенциал, чего только стоят их артефакты и библиотеки.

— А то, что рождественский огонь в Иерусалиме зажигается в руках православного священника, что-то значит? — продолжил мысль кардинала архиепископ. — Я сам там был и видел. Чудо из чудес Господних. Никто — ни наука, ни церковь этому пояснение не могут дать. Проверяют этого священника, чуть догола не раздевают, чтоб спички не пронес, а огонь зажигается. Прав был Иоанн — Павел II, что наводил мосты с Православной церковью и мусульманами. Сегодня мир изменился. Только в сближении церковей можно

выжить. Время такое настало.

США. Вашингтон. Джорджтаунский университет

16 часов 00 минут 21 декабря 2012 года

— В Европе 22 часа, 21 декабря. В Азии сутки уже закончились, наступило 22 декабря. В Японии и Корее — 5 утра, в Китае — 4 часа, в Бангкоке — 3 часа, в Дели — час ночи, в Москве — полночь, — подсчитывал вслух профессор Николсон, разглядывая бумаги на столе. На разных листах быстрым, но аккуратным почерком были записаны сведения об умерших, вернее, об их отсутствии.

— Япония, Южная Корея, Индия, Швеция, Германия, Дания, Норвегия, Франция... — перечислял, перелистывая страницы, профессор. Данные, которые он смог собрать, подтверждали самые невероятные предположения: важны сведения из Китая и России — это огромные страны, и если информация подтвердится, то можно будет считать ее полностью достоверной. — Почему молчит Масатоки Кокиба? — с раздражением подумал он, как вдруг зазвонил мобильный телефон.

— Сэр Николсон? Позвольте представиться,

хотя мы знакомы: я — кардинал Дональд Ворл — глава архиепархии католической церкви в Вашингтоне, звоню по поручению Ватикана. Ваша информация по поводу необъяснимого явления — отсутствия случаев смертности в течение сегодняшнего дня — очень заинтересовала самого Папу.

— Я ничего Папе не сообщал, — возразил, было, профессор, но кардинал продолжал:

— Вы сообщили ректору. Этого достаточно, чтобы узнал Папа.

— И какой интерес у Ватикана к этому вопросу? — спросил Николсон.

— Дело в том, что Ватикану известно, что некий монах по имени Иов предсказал сегодняшнее явление. Этот монах — в прошлом ученый, математик — проводил в последние годы какие-то расчеты на основании библейских текстов и сделал предсказание, которое сегодня сбывается. Мы отслеживаем данные по смертности в разных странах, однако для того, чтобы объяснить это явление, мы нуждаемся в человеке, который сможет повторить расчеты монаха.

— А не проще ли спросить об этом у самого монаха?

— Монах служит в Афонском монастыре, это Православная церковь, они Ватикану не подчиняются, кроме того, высшие сановники

православия засекретили эту информацию и не выдают ее нам, — пояснил кардинал.

— Вы говорите, расчеты сделаны на основании библейских текстов? — заинтересовался профессор. — Каких?

— Мы не знаем, каких точно. Знаем только, что ключ к расшифровке заложен в главе 12 Книги Бытия Ветхого Завета. Ватикан бросил все силы для разгадки этой тайны, и уже есть первые результаты. Но наши теологи нуждаются в советах ученых. Мы знаем, что вы начали заниматься этой проблемой.

— Я ею занимаюсь всего четыре часа, — с возмущением воскликнул Николсон.

— Неважно, у вас есть и знания, и научный опыт, и связи по всему миру. Поэтому у меня просьба. С вами по интернету свяжется кардинал из Испании, он один из лучших теологов в мире. Зовут его Карлос, точнее Карлос Альварэ. Очень прошу вас, во имя Господа нашего, не откажите ему. Это моя личная просьба. И еще, если мы с вашей помощью сможем найти хоть какое-то объяснение происходящему — научное или религиозное — неважно, мы будем вам искренне признательны, Ватикан умеет быть благодарным. Я сейчас же перезвоню ректору, чтобы вас освободили от всех дел, — пообещал кардинал.

— Подождите, подождите, — стараясь приостановить окончание разговора, быстро

заговорил Николсон. — Вы сказали, что предсказание сделал монах?

— Да, монах Иов, — уточнил кардинал.

— И предсказание было основано на математических расчетах? — снова задал вопрос профессор.

— Не знаю, были ли расчеты математические, но сделал их математик.

— А нельзя ли узнать фамилию этого монаха? Кто этот математик? Где учился? Где работал? У каждого математика есть собственный стиль рассуждений. Может, я наведу справки, и нам будет понятен ход его мыслей?

— Хорошо, думаю это не сложно, я попробую и, как только узнаю что-нибудь, перезвоню. А сейчас, пожалуйста, подойдите к компьютеру, вам уже звонят. До свидания, — с этими словами разговор был окончен, и в мобильном телефоне раздались короткие гудки.

— Только после чашки кофе, — сказал Николсон уже не тому телефону и пошел, несмотря на ожидавшую по скайпу связь с Испанией, готовить кофе.

Николсон восстанавливал свои силы большой чашкой «американо», и его терзал вопрос, на который он никогда не мог найти ответ. Какая связь между наукой и религией? Хотя он и считал себя верующим, ходил в церковь, посещал воскресные

мессы и искренне молился, в науке он был непримиримым атеистом.

Пока не будет представлено все, что является доказательством, пусть собрано по крупицам, пусть теоретически, пусть гипотетически, но пока нет доказательств — он не верил. Наука давала пояснение многому, и многое можно было понять благодаря науке. Но существование Бога?.. Его нужно принимать на веру, а просто верить он, со своим научным складом ума, не мог. С другой стороны, он не мог и опровергнуть Бога.

Так же верили в Бога и его коллеги. Здесь иезуитский католический университет — не верить нельзя, но его друзья и коллеги — доктора, профессора, лауреаты, ученые в других центрах и странах — все верующие. И если кто и говорит, что атеист, все равно крестится и просит у Бога удачи. В чем же состоит эта гармония науки и религии — двух таких разных вещей, но одновременно и таких единых в человеческой жизни?

Этот вопрос он задавал себе и тогда, когда почувствовал влечение к мужчинам и вместо того, чтобы скрывать свою страсть, в поисках пояснения пошел на исповедь. Он ждал осуждения от церкви, но священник не осудил его, сказав, что все в руках Божьих и все мы дети Господа и сказал, что только молитва и просьба об излечении может помочь. Но он, Николсон, молиться особо не стал, а после

исповеди перестал скрывать и объявил всем, что он гомосексуалист, — так как есть. Он поверил, что он не изгой и будет жить таким, каким сделал его Бог. И его поняли.

И вот сегодня на фоне того, что в мире происходит нечто невероятное, необъяснимое и непонятное ни с научной точки зрения, ни с точки зрения религии, он узнает, что какой-то монах-математик не только рассчитал, но и предсказал сегодняшней день. А это значит — доказал. Научно обосновал и доказал, основываясь на Книге Ветхого Завета. Если это так, то сегодняшний день станет днем единения науки и религии. Это — поворот в истории всего человечества. Значит, Бог откроет нам истину.

Япония. Токио. Токийский университет

5 часов 10 минут 22 декабря 2012 года

Масатоки Кокиба закрыл глаза и на секунду провалился в неглубокий сон. Голова опустилась на локоть, и он увидел голубой цвет японского безоблачного неба. Издалека, по воздуху, в традиционных одеждах древнеяпонского монаха к нему приближался старец. Он не ступал, а просто

становился ближе и ближе. Длинные седые волосы развивались на ветру, которого Масатоки не чувствовал. Приблизившись, монах посмотрел на Масатоки с одобряющей улыбкой и протянул ему чашку, наполненную чаем.

— О-о, — вдруг раздался настроенный для сообщений звук в компьютере, и профессор проснулся. Тряхнул головой, чтобы удалить остатки сна. Но то ли сон был слишком реальным, то ли усталость не отпускала, старец и чашка чая прочно остались в памяти.

Масатоки подключился к форуму. Да, пришло долгожданное сообщение от профессора Ли Вин Таня. Все подтверждалось — и Китай тоже. Ни одной смерти с нуля до 24 часов 21 декабря 2012 года. А ведь в Китае время на час позже, чем в Японии. Мало того, часовые пояса, несмотря на огромную территорию, приравнены к пекинскому времени.

Выводы Ли Вин Таня, которые были во вложенном документе, заставили Масатоки сильно задуматься. Китайский профессор показывал, что приостановление смертности в Китае происходило по единому установленному пекинскому времени. Если учесть, что астрономические часы территории этой страны растягиваются приблизительно на три часа, в удаленных на запад от Пекина провинциях сутки фактически должны были начаться и

закончиться на три часа позже. Однако эффект отсутствия смертности не был с этим связан. Выходило, что все происходит не по астрономическому, а по установленному в стране времени.

Масатоки задумался: «Что бы это могло значить? Кто и что доказывает таким образом? Кто может приостановить смерть в стране ровно на одни сутки?» И тут он вспомнил сон. Пытаясь разгадать его, он начал ассоциативно расшифровывать свое короткое видение:

«Небо. Небо. Почему небо? Небесное — значит, высшее. То, что надо мной, над нами. Выше нас. Высшие силы.

Старец. Что означает старец? Он монах? Да, одежда была монаха. Монах. Служитель. Значит, тот, кто служит Богу. Кто говорит с Богом. Кто говорит от Бога. Святой? Может, святой.

Чай, полная чаша. В Японии церемония чаепития многое означает. Полная чаша — уважение, почтение, благодарность.

Он выразил мне благодарность. За что? За то, что я... Я обратил внимание, заметил, я понял то, что надо было понять.

Что я заметил? Я заметил, что люди не умирают. Что я понял? Что-то, связанное с тем, что люди не умирают. Я первый понял, что происходящее не зависит от астрономического

движения солнца. Все происходит в то время, которое установлено в человеческом сознании. В Японии смерти начали регистрировать сразу после 24 часов, когда сутки 21 декабря закончились. В Китае еще целый час никто не умирал. Никто не умирал на всей территории, пока не закончился день.

Все, что происходит, не зависит от движения планет и не имеет внешнего физического влияния. Человек придумал счет времени, человек установил принципы его измерения. Сегодня время идет, его счет продолжается, а событие, такое обычное событие как смерть человека приостановлено.

Высшие силы благодарят за то, что их действия были замечены, поняты и правильно истолкованы. «Высшие силы?» — снова задумался Масатоки: «А как же иначе, как можно объяснить то, что вчера произошло и еще происходит там, в Европе, Америке? Сегодня, там, где продолжается вчерашний день, никто не умирает».

Масатоки знал, что Высшая сила существует, даже, более того, он ее чувствовал. Первый раз, когда занимался исследованием протонов и часами просиживал возле реактора и не хватало сил, чтобы понять, как происходит распад с образованием космического нейтрино. И вдруг в один миг пришло открытие, как будто кто-то просто шепнул на ухо. Щелчок — и он все понял.

Все ученые, с кем бы Масатоки ни говорил на эту тему, рассказывали ему о таких щелчках. Только называли их по разному. Кто может объяснить, что такое открытие? Какие процессы происходят в голове человека, когда он открывает новое, доселе неизвестное никому, ни единому человеку на Земле? Никто не знает. Но Масатоки знал: это — Высшая сила, которая дает знания. «Просящий да обрящет», и он просил.

Украина. Киев. Святая Успенская Киево-Печерская Лавра

23 часа 21 минута 21 декабря 2012 года

Отец Феодосий только что вернулся с доклада Митрополиту. Доклад практически состоял из одной фразы: «Предсказание Иова сбывается». Он показал сводку. Митрополит долго смотрел на цифры, внимательно перечитывал данные, потом глянул на свои часы, распорядился о Всенощной и отпустил отца Феодосия с благословением на праведный труд.

Звонок застал Феодосия уже возле компьютера. Звонила Светлана.

— Отец Феодосий, здравствуйте. Извините, что поздно, но я только подумала: вы знали, где

Саша? Прошу вас не говорите неправду. Он звонил мне сегодня. Все рассказал. Он служит монахом в Афонском монастыре. Я знаю и... еще я подумала, вы же его друг с детства. Без вашей помощи он монахом не стал бы. Скажите, вы знали тогда, что он в монастырь ушел? Знали? — требовательно спросила она.

— Знаю, дочь моя, — признался отец Феодосий. — Только сначала не знал. Года два назад он нашел меня, а тогда я был в неведении, как и ты.

— Почему же вы мне не сказали? — едва не плача простионала Светлана. — Вы же крестный отец Леночки. Это ее папа. Она его почти не помнит. Ну почему? — не в силах продолжать, Светлана замолчала и всхлипнула, еле сдерживая рыдания.

— Не велел Александр никому говорить.

— Ну почему? Ведь я не враг ему, хочет — пусть монахом будет, я мешать не стану, если не положено вам жен иметь. Я настаивать не буду. Разведусь. Все как надо сделаю. А видеть его хочу. Только к нему ходить буду исповедоваться. Ведь для Лены он отец. Пусть у дочери будет папа. Пусть монах, значит, работа такая. У других — мужья моряки, раз в год приходят в дом и то ничего, все же есть они. А Лена без отца совсем от рук отбилась. Господи помоги!

— Твой муж, Светлана, великое дело сделал, и сейчас он в церкви в большом почете. А служба его во имя Господа нашего важна не только для тебя и дочери твоей, но и для всего рода людского, для всего человечества. Прими, дочь моя, участь свою как награду от Бога, а не наказание. И запасись терпением. Если звонил тебе, значит, скоро свидитесь.

— Скажи, отец Феодосий, — внезапно перейдя на «ты» взмолилась Светлана, — ради нашей дружбы, ради твоей крестной, ради Александра. Скажи мне, ради Бога, что такое он делает, что семнадцать лет в тайне жил. Ведь не в КГБ он служил, не резидентом разведки, а обычным монахом. И... — тут она решилась задать самый загадочный для нее вопрос: — И причем тут генетика?

Вопрос о генетике волновал ее более всего. Последняя Сашина фраза про генетику была брошена невзначай. Но, как гвоздь, застряла в ее голове. Ее женское и профессиональное любопытство разгоралось с каждой минутой. Саша никогда не занимался генетикой, разве что помогал ей по диссертации. Это ее, Светланы, профессия. Генетикой она увлеклась еще в институте. Студенткой ходила в лабораторию, училась красить и рассматривать хромосомы. Писала статьи. Когда на кафедру устроилась, начала писать работу, но

отложила, потому что защищался Саша, потом родилась Лена, не до науки стало. Потом Саша оставил ее, и вся ее генетика закончилась, пришлось выживать. Она и сейчас помнит, как он читал ее книги и смеялся над простотой задач. Конечно, куда там. Математик. Доктор наук.

— Светлана, — перебил ее воспоминания ответ отца Феодосия, — пойми, Саша талантливый человек. Церкви такие тоже нужны. Что его заставило уйти в монастырь, я не знаю. По-моему, тогда, в 1995 году, его сильно обидели на работе. Не знаю, почему, но он сам решил скрыться и посвятить свою жизнь служению. Не знаю также, почему он уехал на Афон. Видно, были причины. Может, этой причиной была ты. Сильно он тебя любил. Если бы ты воспротивилась, он не сделал бы того, что сделал.

Отец Феодосий перевел дух и продолжил:

— Он меня по интернету нашел. И показал то, что его осенило, читая святые книги. Это заинтересовало высших сановников Православия. Слишком необычные он сделал расчеты и выводы. Тайное заседание синода приняло решение, а он рекомендовал меня. Он только мне и доверял. Поэтому я ездил к нему в Грецию, где он показал, что нужно делать. Поэтому я в Киеве организовывал то, что он говорил. Помнишь, года полтора назад ваша кафедра проводила расчеты по

теме, заказанной фармацевтической компанией?

— Да, хорошо помню, хозрасчетные темы сейчас редкие, я ею и занималась, — удивленно перебила отца Феодосия Светлана, — мы просчитывали вероятность распространения доминантного гена до двадцатого поколения у потомков обезьяны, слона и, по-моему, косули.

— Антилопы, — поправил Феодосий.

— Да, антилопы, — подтвердила она и, не понимая уже ничего, спросила: — А причем тут Саша?

— Да вот притом, что все эти работы заказывали мы по его просьбе, и не только по генетике, и не только у вас, но и в Академии наук, и не только в Украине, а и в России, Америке. Результаты на Афон направляли.

— Ничего не могу понять. Зачем Саше, монаху, понадобились такие исследования? Это сколько денег надо!

— Вот пусть Саша, кстати, теперь его имя — отец Иов. Вот пусть отец Иов тебе при встрече и расскажет как специалисту, зачем нужны такие исследования, — я не понимаю в этом, да и не вправе. А денег для нужного дела у нас хватит.

— Иов. Отец Иов. Он мне не сказал, что его теперь так зовут, — и, пораженная услышанным, Светлана положила трубку, не простившись и не поблагодарив отца Феодосия.

США. Вашингтон. Джорджтаунский университет

17 часов 30 минут 21 декабря 2012 года

Вот уже час профессор Николсон беседовал с доктором богословия, испанским кардиналом Карлосом Альварэ. Интересный факт: то, что говорил кардинал, было насколько невероятным настолько и очевидным, что Николсон не поверил бы этому никогда, если бы сам не прочитал указанные испанцем главы Ветхого Завета.

Теолог начал с того, что проанализировал 12 главу Книги Бытия, где говорилось о том, что Господь указал Аврааму покинуть родных и отправиться в иную землю, которую Он ему укажет. Вот что было сказано в первых трех частях этой главы:

«1. И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе;

2. И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение;

3. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе

все племена земные».

— В этой части Господь говорит о богоизбранном народе, который произойдет от Авраама, — уточнил испанец.

Дальше Карлос сопоставил разные версии перевода и пришел к выводу, что эта часть 12 главы во всех переводах звучит с поразительной точностью одинаково.

Карлос также считал, что части с 4 по 20 главы 12 не имеют отношения к разгадке, а вот первые строки, где речь идет о народе, и особенно фраза «и благословятся в тебе все племена земные», напрямую указывают на разные племена и народы, которые произошли от Авраамового семя. И это, по мнению испанца, было тем, что могло дать направление для дальнейшего анализа.

Николсон был почти согласен с Карлосом. Но все же ради поиска истины затеял спор с теологом.

— Хорошо, я согласен, что эта часть Ветхого Завета может быть связана с тем, что сегодня происходит в разных странах. Хотя и не понимаю как. Но давайте проанализируем текст далее, — предложил он. — А далее в 12 главе речь идет о том, что Авраам с Лотом и Саррой дошли до обещанных Богом земель Ханаанских, но голод заставил их уйти в Египет, а там, убоявшись, что его могут убить из-за красоты его жены, он уговорил ее назваться сестрой. Вот читаем: «...и

когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых, скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя». Здесь Авраам испытывает страх смерти. Он идет на обман. Страх перед смертью рождает ложь во имя жизни. Может, эти слова, где речь идет о спасении от смерти, являются ключом? Или вот, дальше. Сарра попадает в дом фараона и становится его наложницей, а Аврам в это время богатеет благодаря ей. Читаем: «И Авраму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды». Что мы видим? Праведный Аврам богатеет, фактически продав свою жену. Сейчас бы это назвали сутенерством.

— Мистер Николсон, — перебил его Карлос, — библейские тексты только в общих чертах описывают события. Кроме того, то, что сегодня осуждается в нашем обществе, раньше могло быть вполне приемлемым поведением. Давайте не забывать, что Авраам исполнял Божью волю. И следовал той цели, которую перед ним поставил Господь.

— Значит, для достижения цели все средства хороши? — иронично спросил американец.

— Да, если эти цели определены Господом нашим, — парировал Карлос.

— Итак, следуя вашей логике, тот, кто думает, что слышит Бога, может отправлять свою жену в публичный дом и зарабатывать деньги на ее продаже? — уже начал возмущаться Николсон.

— Нет, — спокойно возразил теолог, — в этом и смысл трудов Господа нашего. Он стремится к совершенствованию рода человеческого. Если во времена Авраама продать жену в наложницы было допустимой нормой, то сегодня такое поведение приводит вас в негодование. Значит, успехи у Господа есть.

— Но ведь Библия является Книгой книг, многие поколения черпают из нее истину, которая ложится в основу норм морали общества, — и, подумав, Николсон добавил, — Могут ли отношения Авраама к Сарре, если это написано в Библии, быть до сих пор примером для подражания?

— Нет, — снова все так же спокойно ответил Карлос. — много лет прошло с тех пор, как создавалась Библия. Многие нормы морали исчерпали себя, пришло другое время. Родился Иисус Христос и принес людям новую книгу — Евангелие. Именно Евангелие дало возможность развивать дух человека в следующих тысячелетиях. А вопрос о праведности поступка Авраама исчерпал себя во времени. Вот поэтому я и считаю, что та часть главы 12 Книги Бытия, где речь идет об

обещании Господа Аврааму, что благословятся в нем все племена земные, для нас более важна и мы должны сконцентрироваться именно на ней, — заключил Карлос.

С этим Николсону было уже сложно спорить, он был убежден. В последующем он не вступал в споры с теологом, а только слушал, удивляясь логике и доводам испанца. Поистине тот удивлял.

Карлос указывал ему места в Книге Бытия, которые развивали тему 12 главы. Он пояснял:

— Больше всего по тексту Книги Бытия Бог печется о потомках Авраама. И вот в 16 главе его служанка Агарь рождает от Авраама сына Измаила, Аврааму было 86 лет. В 17 главе Господь говорит, что весьма и весьма размножит Авраама и нарекает его именем Авраам, а в главе 21 в возрасте 100 лет у Авраама и его 91-летней жены Сарры рождается сын Исаак. По требованию Сарры Агарь и Измаила изгоняют, но перед этим Бог обещает: «Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ». После Измаила второй сын Исаак становится его единственным наследником. Когда он достигает возраста 40 лет, ему находят жену Ревекку, которую напутствуют словами: «Да родятся от тебя тысячи тысяч!»

А сам Авраам после смерти Сарры, которая умерла в возрасте 127 лет, берет новую жену.

Читаем главу 25 Книги Бытия: «И взял Авраам еще жену, именем Хеттуру, она родила ему Зимрана, Иокшана, Медана, Мадяна, Ишбака и Шуаха...» Но вот самое интересное — части пятая и шестая этой же главы. Читаем: «И отдал Авраам все, что было у него, Исааку, а сынам наложниц, которые были у Авраама, дал Авраам подарки и отослал их от Исаака, сына своего, еще при жизни своей, на восток, в землю восточную», — значит, и от наложниц у него были дети? Всего восемь сыновей, не считая детей наложниц, и ни одной дочки. И все они имели детей, и их дети имели потомков.

— Подождите, — перебил рассуждения Карлоса Николсон, — ведь мы считаем, что Авраам был прародителем еврейского народа. И именно Исаак, его сын, унаследовавший его богатство, был предком двенадцати колен.

— Ничего подобного, евреи тут ни при чем. У Исаака тоже были дети, близнецы, разнояйцовые, Исав и Иаков. Родились они вместе, но были разные. Вот написано: «Господь сказал ей: два племени во чреве твоём, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему».

— Видите, снова произойдут целые народы.

— Но в дальнейшем, — переспросил Николсон, — Библия акцентирует внимание на

потомках Иакова?

— Совершенно верно. Есть предположение, что начал писать Библию Иосиф, правнук Авраама, внук Исаака, один из двенадцати сыновей Иакова, тот, которого братья продали в рабство, а он в египетской неволе разгадал сны фараона и стал наместником Египта. Он был образованным человеком, занимал пост выше египетских жрецов. В Египте тогда письменность была хорошо развита. Именно жрецы и писали, и хранили написанное на папирусе, если помните. Вероятнее всего, именно он, Иосиф, и записал семейные предания о том, как его великий прадед заключил завет с Богом.

— От Авраама до Исаака, от Исаака до Иакова, от Иакова до всякого, — процитировал известное изречение американец.

— Да, но то, что Библию начал писать Иосиф, не только не опровергает некий замысел Божий относительно Авраама, а, наоборот, доказывает, что именно Авраам был тем человеком, с которым Господь вступил в разговор. А потомки Иакова — это только одна ветвь его рода.

— И, наверное, рода очень большого, — с удивлением подытожил Николсон.

— Да, наверное, — и, стараясь не прерывать нить своих рассуждений, Карлос продолжил: — Так вот, когда я доложил о своих соображениях понтифику, он заинтересовался моей версией. Но

для продолжения исследования этого вопроса необходимо математическое моделирование. Вы же занимались математическим моделированием случайностей и вероятности?

— Да, — подтвердил Николсон.

— Поэтому я передаю вам просьбу самого Папы: помогите нам смоделировать вероятность распространения в мире потомков Авраама. Хочу просить вас. Сделать это в кратчайшее время. Сколько вам понадобится — час, два?

— Какие час-два? Это работа на месяцы. И где отправные данные: сколько у детей Авраама было детей, и сколько у них было детей, и сколько...

Но Карлос резко остановил его словами:

— Все отправные данные в Священном Писании.

— А сколько умерло в детстве? Тогда детская смертность не учитывалась, — негодовал профессор. — Сколько, например, лет прошло от Авраама до Моисея?

— Пятьсот, — парировал теолог, но, несколько подумав, продолжил:

— Некоторые считают, что около пятисот лет. Мишель Нострадамус в письме к Генриху II указывал, что от Авраама до Моисея прошло 515 или 516 лет.

— А сколько тогда вышло евреев из

Египта? — не унимался Николсон.

— Ладно, — сдался Карлос, — к вам скоро приедут ваши местные теологи из Вашингтона, они чем смогут будут помогать, я позвоню кардиналу Дональду Ворлу, он все организует, с ним вы уже знакомы.

— Все равно два-три часа — это очень мало. Я не смогу сделать эту работу меньше чем за две-три недели, — запричитал Николсон.

Тогда испанец произнес:

— Американцы умеют за деньги работать быстро, — и объявил сумму гонорара, от которой в голове Николсона началось легкое и приятное покалывание.

Уже смягчившись, Николсон спросил:

— Но что это нам даст в объяснении причин феномена 21 декабря?

— Не знаю. Тут хоть какая-то зацепка. У Ватикана есть и другие версии, но мы с вами занимаемся этой. Приступайте. Да поможет вам Бог! — заключил Карлос Альварэ, вежливо попрощался и прервал связь.

Николсон перевел взгляд на Библию, перевернул несколько страниц, и тут его рот открылся от удивления. Тот, кто писал Библию, как будто знал, что Николсон будет проводить математические расчеты следующих за Авраамом поколений и поэтому с большой точностью

перечислил имена всех его потомков.

Украина. Киев. Улица Лейпцигская, дом № 2/37

1 час 15 минут 22 декабря 2012 года

Светлана не спала. Она сидела в ожидании дочери, хотя слабо верила, что Лена придет сегодня ночевать домой. В который раз, прокручивая в голове, она представляла, как начнет с ней серьезный разговор. Сначала посмотрит в глаза и уже потом поймет, как следует говорить. Скажет, что знает о том, что Лена уволилась с работы в больнице. А может, сразу, с порога спросит, где та была всю ночь и, если Лена начнет лгать, уличит ее во лжи, сказав, что знает об увольнении. Тогда ей придется рассказать матери всю правду. А может, она психанет и уйдет, хлопнув дверью, и тогда Света ничего не добьется. Только потеряет и так ослабевшую связь с дочкой. Нет, надо как-то иначе, с лаской подойти и спросить у нее про проблемы. Действительно, какие проблемы мучают Лену? В университете вроде все в порядке. Она учится хорошо. На бюджете. С самого первого курса одни пятерки. Но на всякий случай завтра надо перезвонить в деканат. Завтра суббота. Светлана

поглядела на часы: нет, уже сегодня — отметила про себя.

Она встала, достала батон, отрезала кусочек и смазала его тонким слоем варенья. Хотелось сладкого. День сегодня выдался очень тяжелым. Но и счастливым. После разговора с отцом Феодосием ее не покидали мысли о Саше, и только глубокой ночью его место заняла дочь.

Мысли о Елене заводили Светлану в тупик. «А может, у нее завелся мужчина, и она ночует у него? Тогда почему не сказать матери? Может, приличный парень. Если старше, то пусть. Ну, живут вместе, мало ли кто сейчас в гражданском браке живет, сейчас это не осуждают. Она взрослая. Двадцать два года уже. Но зачем от матери скрывать, я разве враг?

Лишь бы ничего лихого не было, она ведь медсестрой работала, может, наркотики попробовала. Завтра, завтра же пересмотрю все ее тело. Может, в каких-то сектах? В отца пошла. Ну, нет. Секты ночью не работают. А может, есть ночные секты? Некроманты по кладбищам ночами ходят. Фу ты, — и Светлана брезгливо стряхнула головой, — нет, она девочка правильная, не шестнадцать же ей лет. Тогда она сдуру пирсинг себе сделала и в нос, и в губу. Ботинки смешные носила — как солдатские. Но все, повзрослела и повытаскивала булавки из носу. Одета она красиво,

макияж минимальный, со вкусом, скромная, добрая, рассудительная. Профессию себе выбрала детского врача. Значит, не может в халэпу влезть, — начала было успокаиваться Светлана, но тут же вспыхнула и стала себя накручивать: — Ой, она же красивая какая, а может, ее аферисты обкручивают, украдут, продадут за границу в бордель. Сколько таких случаев...»

Вдруг раздался резкий звонок в дверь. Светлана испугано дернулась и со словами:

— Ну, слава Богу, пришла, — пошла открывать.

Совсем забыв посмотреть в глазок, она отщелкнула два замка и распахнула дверь, предварительно нахмутив брови, но на пороге вместо Лены увидела большого, Сашиной комплекции, мужчину в необычной широкополой шляпе и одетого в суконное пальто.

— Здравствуйте, Светлана Анатольевна.

Светлана растерялась и, заметив снег на плечах и шляпе гостя, спросила:

— Что, снег на улице?

Мужчина снял шляпу, стряхнул снег на порог и ответил:

— Да, снег, часа полтора как идет.

— Здравствуйте, — невпопад поздоровалась Светлана.

— Здравствуйте еще раз, — улыбаясь, ответил

гость и продолжил:

— Извините, Светлана Анатольевна, что поздно, просто вопрос очень деликатный и срочный — до утра ждать нельзя, а ранее я прийти не мог. Только озадачили.

— Какой вопрос? — спросила Светлана, прикрывая дверь и с трудом справляясь со своей растерянностью.

— Вопрос касается вашего мужа, монаха Иова.

После этих слов незнакомца чувство личного сохранения, которое только что созрело в Светлане, рассыпалось, как пепел. Она почти вскрикнула:

— Что с Сашей?

— Нет-нет, с Сашей ничего не случилось. Просто нам нужно поговорить. Если вы настаиваете, то мы будем беседовать тут, — покорно произнес он.

— Давайте зайдем, — открывая шире дверь, предложила она.

Мужчина прошел в дом, снял шляпу и пальто, оставшись в скромной темно-синей сутане. Светлана, предчувствуя долгую беседу и следуя законам гостеприимства, повесила его одежду в гардероб на вешалку, предложила мужчине чай, и он, потирая озябшие ладони, с удовольствием принял это предложение. Она провела его в комнату, а сама быстро приготовила чай с лимоном

и, разложив на тарелке свежее, аппетитное овсяное печенье, вернулась к гостю.

— Я, Светлана Анатольевна, церковный служитель, — начал он разговор, пока та расставляла чашки. — Зовут меня отец Иннокентий, я монах — служу в монастыре.

— Как Саша? — спросила Света, имея в виду монашество.

— Да, все мы служим одному Богу, — ответил отец Иннокентий.

— Тоже в Греции? — спросила она, надеясь, что монах прибыл от мужа.

— Нет, я служу в Украине, в городе Бердичеве Житомирской области.

— Знаю, знаю, — поспешила поддержать беседу Светлана. — У меня там родственница. Там Оноре де Бальзак венчался, — решила блеснуть знанием истории города Бердичева Светлана и, найдя как минимум две точки соприкосновения с незнакомцем, стала ему полностью доверять.

— Сегодня, несколько часов назад, — продолжал отец Иннокентий, стараясь удерживать свою линию беседы, — мне позвонили из Кракова и просили узнать про отца..., извините, про вашего мужа — Александра. Благо, я в Киеве был по неотложным делам. Пока узнал фамилию, пока ваш адрес, время и улетучилось. Потому мой визит к вам и получился таким поздним.

— А что про Сашу? — спросила Света. — Я его семнадцать лет не видела.

— В том то и дело, что мы интересуемся, так сказать, его прошлым. Как он стал математиком? Где учился? Где работал?

— А, вы об этом? — вспоминая любимого Сашку, грустно спросила Светлана.

— Именно и только об этом, — попросил отец Иннокентий, делая глоток чая.

— Как Саша стал математиком? — сама себя спросила Светлана.

— Он им родился. Мы учились с ним в одном классе. В школе равных ему не было. Помню, в классе седьмом или восьмом учительница ему сборник задач принесла для студентов третьего курса. Он их всех решил. За неделю. Три года на всех школьных городских олимпиадах занимал первые места, а в девятом поехал на всемирную ассамблею молодых математиков и физиков в Осло, его наградили как лучшего в мире юного математика. Получил он там медаль и сертификат. Еще денежную премию дали — три тысячи долларов. Поменяли ему эти три тысячи по курсу и выдали две тысячи в рублях. Тогда это были сумасшедшие деньги, почти треть машины. Он деньги все маме отдал, а нас, одноклассников и учителей, в ресторан сводил. Я тогда первый раз в ресторане побывала. Потом началось — за ним все

девчонки страдали. Все видели, что жених перспективный, раз такие деньги заработал школьником. Я-то давно с ним дружила, а другие девчонки так и липли к нему. То билеты в кино принесут, чтоб вдвоем сходить, то носки ему подарят. Но он меня выбрал. Когда школу закончили и в институте учились, на втором курсе, он просто взял меня за руку, поцеловал и спросил: «Будешь моей женой?» — я от неожиданности обомлела. Вот так он всегда — долго не раздумывал. Решил и все. Точка. Правда, была одна девица...

— А где он учился, — перебил отец Иннокентий, не желавший слушать ее женские воспоминания.

— Учился он на физико-математическом в «универе», ой, простите, в Киевском госуниверситете имени Шевченко, взяли его без всяких вступительных экзаменов, вне конкурса, они в нем заинтересованы были. Такой студент, краса и гордость. Любой институт принял бы. На третьем курсе его какой-то военный завод на работу пригласил. Он для них расчеты проводил. И деньги стал зарабатывать. Тогда мы молодоженами были, а он приносил иногда триста, иногда пятьсот рублей в месяц. Вот тогда мы, слава Богу, эту квартиру и купили. От родительской опеки оторвались и сами стали жить, никто не мешал. Здесь и Леночка

родилась. Помню, приехали мы из роддома, а в комнате и детская кроватка, и столик, и коляска — все купил. Я тогда ни в чем не нуждалась. Он и няню нанял мне в помощь. Непривычно было с няней. Моя семья богатой не была, мама все делала сама, а о нянях мы как о пережитке капитализма думали, а тут в семье двух студентов — няня.

— Хорошо, — опять прервал ненужные ему воспоминания отец Иннокентий, — а где Александр работал?

— А работал, — вспомнив, о чем идет речь, продолжила Светлана, — в научно-исследовательском институте Академии наук Украины. У него много предложений было. В институт сам захотел, там можно было защититься. Постойте, как же он назывался? Сейчас, сейчас, по-моему, его уже нет, кажется, его реорганизовали. Ах да! НИИ проблем прикладной математики.

— Почему реорганизовали? — поинтересовался монах.

— Не знаю, — пожала плечами Светлана, — в Киеве много институтов закрыли, не нужны стали. Сейчас эти здания дороже стоят, чем ученые. Некоторые институты, особенно в центре, в аренду сдают. Есть такие, которые вообще снесли, а на их месте высотки выстроили. А наука... Какая у нас наука? Люди поразбежались. Кто умнее — за

границу уехал, а те, кому не повезло, профессию поменяли: кто на базар, кто в бизнес, а кто-то остался, потому что делать ничего другого не умеет. Вот наши профессора, зарплата четыре тысячи. Разве сможет он себе няню позволить, если она три просит? Вот и зарабатывают они на двоичниках. За двадцать долларов зачеты ставят. Какие из этих оболтусов врачи выйдут? А представьте, что таких профессоров будут такие же врачи лечить. Сами себе могилы роют.

— Коллег его по работе трудно найти? — не обращая внимания на неинтересные для него рассуждения хозяйки, продолжал задавать вопросы отец Иннокентий.

— Даже не знаю. Александр Олегович, крупный биофизик, работал с Сашей в одном отделе, он точно сейчас живет за границей. Эльвира Павловна, тоже из их отдела. Да я и не знаю других, эти к нам на дни рождения к Саше приходили, а когда он исчез, может, еще года два мы созванивались, а потом как-то перестали. От знакомых слышала, что Александр Олегович — точно уехал, а Эльвира Павловна — не знаю. Он ее приглашал, а уехала или нет, не знаю, говорить не буду.

— А друзья?

— Друзья... — задумалась Светлана. — Друзей нас было трое: Сашка, Костик и я — как со

школы дружили, так никого больше и не завели. У меня есть сейчас подруги, такие — больше по работе и по «Орифлейму» (пыталась продавать, но не очень получается, но новых знакомых завела...)

— А у Саши? — вновь перебил ее монах, заметив, что Светлана со свойственной женщинам натурой склонна больше говорить о своем.

— У Саши, кроме Костика, друзей не было, да и где их набрать — он то на работе до ночи пропадал, то дома, в семье, не пил, спортом не занимался, жил в математике. С мыслями о ней ложился, с мыслями о ней вставал.

— А как фамилия Костика, он в Киеве? — несколько нервно спросил монах.

— Костик уже не имеет фамилию, он тоже монах — отец Феодосий, служит в Лавре. Вы его наверняка знаете? — улыбаясь и искренне веря в то, что все монахи должны знать друг друга, спросила Светлана.

— Нет, мы служим в разных приходах, — исключил отец Иннокентий, но, немного подумав, продолжил: — А может, и знаю. Где, вы говорите, он служит?

— В Лавре, — уточнила Светлана. — Я только сегодня, после того как позвонил Саша, говорила с ним по телефону. Какое все-таки счастье, что он жив, а я-то семнадцать лет думала, что умер, хотя не верила, ни секунды не верила в

его смерть. А когда он меня генетикой ошарашил, я Костику..., ой, простите, отцу Феодосию позвонила. Он, оказывается, знал, что Саша жив, а мне ничего не сказал. Они каким-то очень важным делом занимались, важным для всего человечества. Саша ему задания давал. А отец Феодосий все организовывал. Вы представляете, даже на нашу кафедру работу заказывали по исследованию вероятности распространения доминантного гена у потомков обезьяны, слона и косули..., нет, антилопы, до двадцатого поколения. Я этой работой лично занималась и не знала, даже не почувствовала, что это Сашин заказ. Они его замаскировали под грант фармацевтической фирмы. А еще Саша заказывал разные исследования в Украине, России, — и зачем-то, соврав, а может, перепутав, добавила, — Германии. Мой Саша, — с гордостью произнесла Света, — мой любимый Сашка — незаурядный человек, я всегда говорила, что он рожден для великого дела, ведь недаром ему Господь Бог дал такой талант...

— Да, — подтвердил гость слова хозяйки и, понимая, что получил больше информации, нежели рассчитывал, чтобы сделать приятное Светлане, а может, и действительно так считал, добавил: — Отец Иов — великий человек, и то, что он сделал, прославит его.

Затем встал, поблагодарил за чай, надел

пальто и необычную шляпу и, попрощавшись, ушел.

Закрывая дверь, Светлана поймала себя на мысли, что все монахи очень учтивые люди и, вспомнив молодое лицо Сашки, задумалась, носит ли он бороду. У отца Феодосия борода была, а у этого ночного монаха нет. Интересно, — задалась она почему-то приобретшим эротический оттенок вопросом, — носит монах Иов бороду или нет.

Швеция. Уппсала. Уппсальский университет

1 час 10 минут 22 декабря 2012 года

В поисках ключа от зала для проведения видеоконференций Альва Йохинсон вытрусил все содержимое сумочки на стол. Нехитрые вещи женщины, которая привыкла к почти аскетической жизни, разлетелись. Сверху упал маленький легкий билет на уже закончившийся концерт органной музыки. Альва любила ходить на такие концерты. Это была привычка, даже больше — это был ритуал. Ритуал, который заполнял ее личную жизнь чем-то важным и торжественным.

Обычное пребывание в одинокой квартире, утренний завтрак, вечерний ужин, просмотр

телепередач — все это было чем-то обыденным, серым и необходимым, что должно быть и без чего нельзя. А концерты органной музыки в Кафедральном соборе по пятницам — это был маленький праздник.

Она знала почти каждого исполнителя, который приезжал в Уппсалу. Оставалась после концертов в числе фанатов специально, чтобы поближе узнать, познакомиться, поговорить с этими людьми. Ее ум не мог постичь то, как человек, который стоит и разговаривает с ней, только минуту назад, там, сидя за шпильтишем, творил настоящее волшебство гармонии и звука. Она любила музыку Генделя, Листа, Моцарта. Но, когда она слушала Баха, особенно Прелюдию и фугу До-минор, она верила, что Бог есть.

Однажды после концерта она познакомилась с молодым композитором, которого пригласили из России. В Уппсале он играл свои произведения, и Альва была от него в восторге. Его музыка как будто препарировала ее сознание, срывая все выстроенные защиты, она выворачивала наизнанку ее одиночество, и Альва почувствовала себя песчинкой среди океана человеческой ненависти и любви, страсти и безразличия, преданности и предательства, но почему-то именно это придало ей силы и уверенности в себе.

Позже она спросила его: «Как вы создаете

такую прекрасную музыку?»

А он ответил: «Музыка — это озарение, мадам, и ни один музыкант не сможет вам рассказать, как это происходит».

Органисты в ее понимании — были высшей кастой людей, они создавали волшебный мир музыки. Ее волновал каждый аккорд, каждая нота. Волшебство звучания сотен вибрирующих труб, подражающих нежному шуму ветра, плеску ручья и пению птиц, а то превращаясь в грохот водопада и сотрясающий воздух громовой рокот, приводило ее сердце в трепет. Великолепные переливы звуков инструмента предавали ей чувство гордости за человечество, создавшее истинно божественное творение — органную музыку. Осознавая себя частью этого человечества, Альва ощущала свою полноценность, нужность и важность существования, да и вообще всей своей жизни.

Но сейчас, несмотря на то что праздник не состоялся, она, глядя на билет, не сожалела о том, что не попала вчера на концерт. Сегодня ее роль в жизни получила большее значение. Сейчас она будет принимать участие в первой в мире видеоконференции, посвященной изучению явления, которое можно сравнить только с самыми значительными событиями, повлиявшими на все человечество. Может, по значимости его можно сравнить с рождением Иисуса Христа.

По уговору с Джеком Николсоном конференция должна была начаться в 1 час 30 минут по стокгольмскому времени.

Несмотря на то что в разных странах время было неодинаковым, он задумал, не оттягивая, по горячим следам происшедшего провести грандиозное международное научное обсуждение уникального явления, считая, что к утру этим явлением заинтересуется пресса, а за нею и официальные власти во всех странах.

К участию в этом эпохальном научном мероприятии Альва пригласила двух профессоров Стокгольмского университета: биолога Мадлен Бергман и лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины профессора Йохана Карлсона, связалась с университетами в Осло и Хельсинки и позвала нескольких своих уппсальских коллег.

Несмотря на позднее время, ее коллеги уже пришли, и поэтому Альва спешила открыть зал. Не найдя ключ среди содержимого сумочки, она осмотрелась и, обнаружив его смиренно лежащим возле компьютера, сгребла все свои женские сокровища обратно в сумку и побежала открывать зал.

**Греция. Македония. Полуостров
Афон. Монастырь Святого**

Пантелеймона (Росстикон)

2 часа 20 минут 8 декабря 2012 года
(по юлианскому календарю)

Все монахи монастыря Святого Пантелеймона с вечера служили Всенощную в храме Преображения Господня, только Иеремия и Иов участвовали в совете, проходившем в главном соборе.

Уже час отец Иов стоял на кафедре.

Кроме настоятелей двадцати афонских монастырей в совете принимали участие представители Русской, Иерусалимской, Константинопольской, Грузинской и Болгарской православных церквей. Они прибыли сегодня, когда стало понятно: то, что было предсказано, начало сбываться.

Русская церковь была представлена митрополитом Минским. Из-за задержки в аэропорту он прилетел с опозданием. Поэтому совет пришлось задержать.

Целый час двадцать пять высших православных сановников внимательно слушали монаха, не мешая его докладу и не перебивая его.

Когда отец Иов закончил, 89-летний архимандрит Василий (Варадзе), настоятель

Иверского монастыря, задал единственный вопрос, который повис в воздухе после практически исчерпывающего доклада.

— Брат наш Иов, — начал архимандрит, — истинно благодаря Господу Богу нашему, даны тебе знания и понимание того, что происходит в мире, и того, что должно произойти. Истинно подвиг твой сравним с подвигом великих пророков, и речь твоя понятна всем нам, и все, что сказал ты, мы уразумели. Признаюсь, твои предсказания, которые ты нам поведал на прошлом совете, вызвали у меня сомнения. Особенно касательно потомков Авраама. Но сегодня я уверовал в истину слов твоих, и ни у меня, ни у братьев наших сомнений не осталось, — он окинул взглядом присутствующих, которые начали утвердительно покачивать головами, показывая, что согласны со сказанным. Получив молчаливое одобрение, архимандрит Василий продолжил: — Однако поведай нам, почему ты знаешь, что того, что предсказано, сегодня не произойдет.

— Отцы Церкви православной! — обратился Иов к присутствующим. — Отец Василий! — посмотрел он на того, кто задавал ему вопрос. — Мы, скромные служители Господа Бога, тут, на полуострове Афон, время исчисляем по юлианскому летоисчислению, однако многие страны и в Азии, и в Европе, и в Америке живут по

григорианскому календарю. Но в старые времена, в древних царствах, тоже по-разному годы считали. По еврейскому лунно-солнечному исчислению сегодня 5773 год. В таких странах как Япония и Китай до XIX века лета учитывали по династии императоров. Россия только в XX веке перешла на григорианский стиль. Еще существуют буддийский, вавилонский, зороастрийский календари, всего же насчитывается более пятидесяти вариантов, которые в разные времена и разными народами применялись для учета и летоисчисления. В те библейские века, когда были сделаны пророчества и предсказания о грядущих событиях, разные народы по-разному считали годы, и потому любое точное указание даты было бы по-разному истолковано. А замысел Божий в том и состоит, чтобы об этом узнали все народы сразу. Вот как сказано об этом в 65 главе Книги Исаи, — Иов взял в руки Библию, открыл на нужной закладке и зачитал: «Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою». Монах Иов замолчал, дав слушателям осознать сказанное, и, подождав секунду, спросил: — Разумеете? Отцы Церкви православной, — и он обвел всех взглядом, — словами пророка Исаи Господь говорит, что все народы, говорящие на разных языках, увидят славу единого Господа нашего, что для каждого рода и

племени, и народа, и царства, для каждого, кто живет в мире этом известие придет в одночасье. В один день.

— Я обнаружил, — продолжил анализ монах, — в древних рукописях и книгах более сотни указаний, которые прямо или косвенно касаются события, свидетелями которого мы по милости Господа нашего стали. В том числе в пророческих книгах Священного Писания я нашел тридцать два указания на то, что это будет. Но ни в одном из них не было четкого указания на год, месяц или день, когда это произойдет. И тогда я, озаренный Господом, обратился к расчетам и календарю Майя, которым пользовались не только этот древний народ, но и ацтеки, и тольтеки, и другие племена, населявшие Америку. Этот календарь до сих пор считается одним из самых точных, когда-либо созданных человеком. Астрологи Майя достигали точности за счет корреляции дат. Но позвольте мне не останавливаться на особенностях вычисления, а перейти к пояснению и ответу на вопрос отца Василия, — попросил Иов и увидев одобряющие кивки седобородых старцев, продолжил: — Когда ученые пересчитали цифры и даты племени Майя и привели их к григорианскому календарю, то увидели, что день 21 декабря 2012 года был последним. Их календарь заканчивался на этой

дате. Многие специалисты трактовали 21 декабря как день конца света. Я же, ведомый Господом нашим, увидел иное. Майя рассчитали эпоху. Но завершение эпохи не может означать конец света, а есть ни что иное как начало новой эры. Эра эта не зависит от того, как люди считают годы, а исходит от движения планет. Именно об этом времени говорится в пророчествах. Отцы-настоятели афонских монастырей! Отцы — представители православных автокефалий! Отец Василий! — снова, но уже с пафосом обратился монах Иов к совету. — Тот вопрос, что вы мне задали, и я задавал себе. Будет ли сегодняшней день тем днем, которого ожидаем мы все? Ответ я нашел в главе 25 пророческого благословения Святой Евангелии от Матфея, где сказано, что не будет это зимой и в субботу. Сегодня суббота, 22 декабря, зима. Скажите, зачем апостолу Матфею надо было давать такое предостережение? Не для того ли, чтобы мы его правильно поняли? Потому я говорю, что сегодняшней день — предвестник событий невероятных и славных. Как засиявшая Вифлеемская звезда указала на рождение Иисуса Христа, так и день 21 декабря 2012 года, как и было предсказано, известил все народы и племена, говорящие на разных языках, о воле Господа нашего.

Иов замолчал, проверяя по реакции, понятно

ли он сказал священникам и насколько своим ответом он смог пояснить ход собственных рассуждений. Реакция его удовлетворила. Он видел в глазах священнослужителей понимание.

— Скажи, сын мой, — вдруг, поднявшись со своего места и обращаясь скорее ко всем членам совета, нежели к самому монаху Иову, заговорил архимандрит Иеремия, — были ль тебе видения Господни, что ты смог уразуметь такое, доселе неведанное, но пророками святыми предсказанное? Или каким-то своим умозаключением ты смог постичь тайну, которую другой смертный умом до тебя не дошел?

— Истинно говорю вам, отец мой — настоятель. В миру я был математиком, но знания мои не могли дать почву для пророческого умозаключения, но помогли в расчетах, необходимых для понимания грядущего. Видение же мне было, и Господь говорил со мной через святого, одетого в белые одежды. Тогда я не спал и не бодрствовал, а страх сильный испытал. Слышал Господа, внемля голосу его. И сказал он мне, что сказал, и было озарение, и я волю его выполнил. И явился мне святой апостол Иоанн Богослов и увидел я цифры и букву в лиловом огне. Цифры эти — двойка и четверка стояли рядом, а буква схожа с латинской «h». И помогали ангелы небесные мне по велению Господа, направляли мысли мои в русло

правильное, дабы смог я увидеть и другим показать, как показал вам сегодня, — ответил монах, затем осенил себя крестом и, поклонившись членам совета, подошел к иконе, став на колени, начал читать «Отче наш».

Члены совета, вторя действиям монаха, каждый по-своему, трижды прочитали молитву и, лишь когда молитва была завершена, Иеремия громко прочитал стих из 2 главы Книги Иезекииль: «Такое было видение подобия славы Господней. Увидев это, я пал на лице свое, и слышал глас Глаголющего, и Он сказал мне: сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою».

— Братья мои во Христе, узрите чудо Господне, что дано было пред наши очи греховные. Как сказал Господь, так и сделалось. Ибо дал Он нам три чуда. Чудо рождения, чудо жизни и чудо воскресения. А сегодня явил четвертое чудо. Чудо попраiania смерти. Истинно сказано: «Отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет».

Архимандрит Иеремия перекрестился, поклонился во все четыре стороны и продолжил:

— Сколько, братья мои, в мире церквей разных, в разных странах и разных царствах; и сильные есть и слабые; и верные и неверные. Но послал Господь глас Свой в православный храм, показав нам, что мы праведно служим. Даровал он

и доверие нам, и честь великую. Уразумели мы, слава Господу, что грядет и чему произойти должно. Дверь всем указал, а нам ключи дал. И решить нам надо, когда ту дверь отпереть. Для сего совет нам собрать и понадобилось. Не решим, так собор соберем.

Бельгия. Брюссель. Отель Метрополь (5*)

2 часа 00 минут 22 декабря 2012 года

Вот уже больше минуты телефон настойчиво повторял монотонные звонки, не считаясь со сном хозяина.

— Чтоб на этом пальце, который набрал мой номер в два часа ночи, ногти грязные выросли. Чтобы этот палец опух до размеров чашки, чтоб потрескался, чтоб..., — не прекращая ругань, хозяин телефона рывком поднялся и сел на кровати. Слева с выпученными спросонья глазами сидела только что тормозившая его Наташа.

— Чтоб этот палец параличом согнулся и никогда не смог номер набрать, — продолжил он, но взяв трубку, спокойно и вежливо спросил:

— Алло?

Комиссар Европейской комиссии по

международным делам и чрезвычайным ситуациям Андрэус Семета был неординарным человеком. Внук простого рыбака и сын фельдшера он еще в юности, когда служил в Советской армии, заметил уникальное свойство своей натуры: вовремя находить нужные слова и быстро убеждать собеседника. В любом разговоре или споре он был настолько убедительным, что мог доказать что угодно и кому угодно.

Тогда в армии ему из-за акцента дали прозвище Прибалт, он неплохо рисовал и часто выполнял различные поручения по оформлению наглядной агитации, но истинный свой талант он почувствовал после одного, обычного по тем временам, случая.

Воинская часть, где служил Андрэус, располагалась в Беларуси, недалеко от его родного города. И вот однажды Прибалт с двумя земляками решили незаметно съездить домой, а проще говоря, пойти в самоволку. Все могло бы пройти и незаметно, если бы его с друзьями не задержал военный патруль. Их вернули в часть, объявили перед строем по пять суток гауптвахты и посадили бы, но, когда командир вызвал всех для воспитательной беседы, Прибалту удалось убедить его в том, что это не был самовольный уход из части, а запланированное выполнение задания, которое дал несколько месяцев назад сам командир.

Тот вспомнил, что, действительно, говорил о необходимости раздобыть гири для спортивной площадки и, подкупаясь на лесть, которую Прибалт обильно подмешивал в свой рассказ, отменил наказание и даже командировал Прибалта и его товарищей в его родной город для доставки тяжелого груза. Конечно, гири пришлось купить, но Прибалт побывал дома и увильнул от наказания.

Рожденный под знаком Весов он обладал даром убеждения и, обнаружив однажды свой талант, научился им правильно пользоваться.

После армии Андрэус окончил техникум, а когда его родная страна отошла от Советского Союза, он увлекся партийной деятельностью и вступил в Христианско-демократическую партию. Сначала он просто посещал собрания, потом стал активно выступать и вскоре благодаря своему дару приобрел популярность среди людей. На очередных выборах его избрали депутатом.

Именно тогда Андрэус понял, что его карьера и благополучие зависят не от каждого человека в отдельности, а от массы людей. Той массы, которая обладает своей энергией, живет по своим законам и является огромной силой. Нет, он не считал эту массу серой толпой, он уважал ее, даже преклонялся перед ее могуществом. Еще в девяностых годах, когда ходил на демонстрацию защиты от советских войск, он — молодой Андрэус

— почувствовал силу толпы, объединенной одной идеей, а когда его избрали депутатом, он полностью, каждой мозговой клеточкой, осознал силу, которая действует по своим законам и способна возвеличить или растоптать любого. Именно тогда он стал жить в угоду этой силе, внимательно изучая настроение толпы.

Люди его любили, он стал влиятельным человеком, и даже президент относился к нему с уважением. Единственное, что не давало ему покоя, так это три вещи, которые он старался никому не показывать и тщательно скрывал. Первое — ему не хватало образования. Даже не так образования, как знаний, их явно было недостаточно. Поэтому он никогда не углублялся в суть проблемы, но, используя свойственный ему дар, всегда подводил собеседника к нужному ему решению.

Второе — это черта его характера, которую он не выказывал. У него была привычка ругаться. Он ругался страшно. Нет, не тем русским матом, который нафарширован нелицеприятными словечками. Он ругался изысканно и уничижительно. Оскорбительные образы возникали в его голове молниеносно, и он едва успевал высказать все то, что ему взбрело в голову. Эту страсть он старался гасить в себе, но в одиночку или в присутствии близких мог разразиться бранью, не останавливаясь по 10–15 минут, выкрикивая

самые невероятные ругательные комбинации.

Третье, что скрывал Андрэус, вряд ли можно назвать пороком, но именно от этого он страдал больше всего. Он любил женщин. Причем всех — независимо от статуса, возраста и семейного положения. Он любил всех и сразу, за что и сам страдал и у других вызывал неприязнь.

Андрэус Семета был из поздних и первую тягу к женщинам почувствовал только к тридцати годам. Первый секс у него был с продавщицей, которая заметила его вожделенный взгляд и сделала все, чтобы в тот же вечер оказаться у него в постели. Она была старше, но ей удалось привить ему страсть к любовным утехам. Он скорополительно женился на ее подруге, но их брак по той же причине быстро распался, и, уже почувствовав свободу и больше не желая оскорблять кого-нибудь изменами, жил сам, предаваясь утехам со своими подружками, среди которых были и жены друзей, и продавщицы, и те, которые предоставляли услуги за деньги. Их имена и телефоны были аккуратно вписаны в маленький блокнотик, который Андрэус никогда нигде не забывал, а вынимал его из бокового кармана только для того, чтобы сделать новую запись или перезвонить.

Несмотря на все его пороки, карьера Андрэуса шла вверх. В 2004 году, когда страны Прибалтики

присоединились к Евросоюзу, он, почувствовав перспективу, перешел работать в министерство, затем уехал в Брюссель и в 2010 году вошел в состав вновь избранной еврокомиссии от своей страны. Конечно, без связей не обошлось. Его свели с нужным человеком и после короткой беседы по телефону, вопрос с назначением решился положительно. Времена менялись, и если раньше Андрэус как верный католик боролся с абортами, то теперь он защищал лесбиянок и гомосексуалистов. Вот, казалось бы, и все, что можно сказать об этом человеке.

— Ал-ло! — протяжным голосом произнес Андрэус Семета и мотнул головой, показывая Наташе, что он не понимает, кто звонит.

Она включила ночник, встала, повернулась к нему спиной и стала поправлять волосы. Интимный свет осветил точеную фигуру, показав нежную с легким загаром кожу, плавные изгибы бедер, тонкие ноги и плечи, на которые каскадом спускались белые густые волосы.

Заглядевшись на это божественное создание, он подумал: «Какая изящность... Почему славянки такие красивые?» — и в нем мгновенно вспыхнуло желание, которому он был готов тут же подчиниться. Бросить об пол и разбить этот ненавистный телефон, схватить ее за плечи и... нежно положить на кровать.

Но за многие годы он научился управлять этим чувством. Прежде всего работа. Вчера, в пятницу, 21 декабря, было последнее заседание еврокомиссии перед рождественскими каникулами. Фуршет затянулся допоздна. Потом он позвонил Наташе и приехал в отель. Мартини, свечи, а потом упоительный секс. Неимоверно страстный секс, и вот, только он заснул — раздался этот ненавистный звонок.

— Алло! — снова, но уже с раздражением крикнул Андрэус Семета в трубку и услышал оттуда голос его хорошей подруги, члена еврокомиссии, комиссара по внутренним делам Евросоюза шведки Севильи Мачстрем.

— Андрэус, Андрэус! Ты меня слышишь? — нервно повторяла она, что было странно для всегда холоднокровной и спокойной скандинавки.

— Слышу, слышу... Севилья, говори, — успокаивая коллегу и вспоминая, что вчера она ушла раньше и улетела в Швецию, Андрэус повторил: — Слышу, теперь хорошо слышу.

— Андрэус, я в Стокгольме. Моя подруга — профессор Стокгольмского университета, биолог Мадлен Бергман. Она сообщила, что вчера во всех странах произошло что-то невероятное и совершенно необъяснимое. Представь себе, за вчерашние сутки никто в мире не умер. Представляешь, никто не умер, никого не убили и

никто не покончил жизнь самоубийством. В Швеции не зарегистрировано ни одной смерти. В Японии и Германии тоже. Думаю, такая же ситуация во всей Европе.

— Это касается Евросоюза? — задал, кажется, глупый вопрос Андрэус.

— Я тебе повторяю, — понимая, что только что проснувшийся еврокомиссар Семета не полностью улавливает смысл сказанного, Севилья повторила: — вчера, 21 декабря 2012 года, во всем мире, а это Япония, Китай, Индия, Россия, Украина, и еще Бог знает сколько стран... Это не только Евросоюз, но и в странах Евросоюза тоже. Понимаешь?

— Понимаю, понимаю... — буркнул Андрэус.

— Вот и хорошо, что понимаешь. Проснись же наконец! — воскликнула Севилья, чувствуя, что он еще не все понимает. — Включайся.

— А сколько умирает? — спросил он автоматически.

— Я этот вопрос загуглила — конечно, полных данных нет. Примерно 120 тысяч человек в сутки.

— Ого, — никогда не задумываясь над этим вопросом, удивился Андрэус Семета и добавил: — Парочка-тройка прибалтийских городов.

— В том то и дело, что нам необходимо найти пояснение этому явлению, — быстро заговорила

Севилья, чувствуя, что Андрэус начал понимать, о чем идет речь. — Сейчас ученые пытаются разобраться. Они организовали открытую международную видеоконференцию. Я бегу в Стокгольмский университет. Подключайся. Я тебе ссылку на почту сброшу.

— При чем тут я? — снова задал глупый вопрос Андрэус.

— Как при чем?! — с возмущением воскликнула Севилья. — Ты уже два года комиссар Европейской комиссии по международным делам и чрезвычайным ситуациям. Завтра нас атакует пресса. Мы должны выработать свою позицию. Слава Богу, ученые собрались. Их мнение и будет официальным мнением Евросоюза, и это мнение ты и будешь озвучивать. Ты же отвечаешь за чрезвычайные ситуации.

— Чрезвычайные ситуации — это когда кто-то лишний умирает, когда катаклизмы, а тут... — начал заводиться Андрэус. — А тут все живы, даже больше чем надо, — и, уже сорвавшись, перешел на ругань: — Черт бы их всех побрал с их японцами и китайцами — не умирается, видишь ли, им. Ну и что с того, что не умерли? Сэкономили на гробах, на похоронах. Сто двадцать тысяч живых людей — это праздник. Всемирный праздник устраивать надо, пиво пить в барах, как после футбола. Так нет — они видеоконференцию среди

ночи устраивают. Какого черта? Пресса, видите ли, ну и хрен с ней, с прессой... Какая это чрезвычайная ситуация? Это никакая не чрезвычайная ситуация...

— Это чрезвычайнейшая ситуация, — оборвала браваду Андрэуса Севилья, зная его склонность к ругани. — Подумай о прессе, не дай Бог тебе обкаться перед ними завтра. Будет скандал похлеще, чем в 2004 году.

— Черт, — успокаиваясь, ответил он, — пресса действительно важна. Спасибо, Севилья, что позвонила, — я подключаюсь. Жду ссылку.

Андрэус Семета положил трубку, посмотрел на Наташу. Желания уже не было. Предстояла работа, и он отправил женщину домой. Затем подключил телефон к планшету и, пока тот загружался, несколько раз задумчиво произнес:

— Пресса важна, пресса важна.

Ему ли не знать, как важна пресса. Лучший рычаг управления силой масс, которые могут вознести или утопить любого.

Япония. Токио. Токийский университет

9 часов 10 минут 22 декабря 2012 года

Китай. Пекин. Пекинский университет

8 часов 10 минут 22 декабря 2012 года

**Индия. Дели. Национальный открытый
университет Индиры Ганди**

5 часов 40 минут 22 декабря 2012 года

**Россия. Москва. Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова**

4 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

**Украина. Киев. Киевский национальный
университет имени Т. Г. Шевченко**

3 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

**Швеция. Упсала. Упсальский университет.
Стокгольм. Стокгольмский университет**

2 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

**Германия. Берлин. Берлинский университет
имени Гумбольдта**

2 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

Норвегия. Осло. Университет Осло

2 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

**Франция. Париж. Высшая школа социальных
наук**

2 часа 10 минут 22 декабря 2012 года

**США. Вашингтон. Джорджтаунский
университет**

20 часов 10 минут 21 декабря 2012 года

**Видеоконференция. Заседание
первое**

2 часа 10 минут 22 декабря 2012 года по

стокгольмскому времени

Видеоконференция уже началась и продолжалась больше получаса. Начал ее профессор из Вашингтона Джек Николсон. Сам он счел необходимым пригласить к участию в конференции и своих коллег из университета. Многие из тех, кто сегодня вышел на связь, знали друг друга, но Николсон, следуя порядку, дал возможность всем представиться. Из-за большого количества участников эта процедура несколько затянулась. По окончании Джек предложил избрать модератора и сразу же порекомендовал Альву Йохинсон, против кандидатуры которой никто не возражал, и Альва стала вести конференцию.

Прежде всего, она предложила проводить научный форум в режиме двухчасовых обсуждений и часовых перерывов. Ее поддержали. Далее она в краткой форме пояснила процедуру регистрации участников и основные правила очередности выступлений и в заключении сообщила, что технические возможности Уппсальского университета дают возможность пользователям интернета следить за конференцией в режиме онлайн и высказала предположение, что интерес к такому необычному международному научному обсуждению, даже несмотря на позднее время, может привлечь большую аудиторию.